

Л. П. АПОЛЛОНОВА

**АКТУАЛЬНЫЕ
ВОПРОСЫ**

МЕДИАКОМПАРАТИВИСТИКИ

РОСТОВ-НА-ДОНУ — 2023

УДК 070
ББК 76.0
А 76

Р е ц е н з е н т ы :

О. В. КОНОВАЛОВА, доктор филологических наук;

В. М. ВИНИЧЕНКО, кандидат филологических наук.

А 76 Аполлонова, Л. П. Актуальные вопросы медиакомпаративистики.
— Ростов-на-Дону: Спутник науки, 2023. — 134 с.

В книге медиакомпаративистика рассматривается с трех сторон: как метод, как методология и как наука. Автор показывает этапы ее развития в историческом плане, описывает процедуру проведения исследований. Вместе с тем проводит сравнительный анализ жанров в европейской журналистике и сравнительный анализ традиционных и «новых медиа». Книга рассчитана на студентов факультетов и отделений журналистики.

УДК 070
ББК 76.0

ISBN 978-5-6050268-4-6

© Спутник науки, 2023
© Аполлонова Л. П., 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
ЧАСТЬ 1. Компаративистика как методологическая основа изучения журналистики	9
1.1. Компарация. От метода — к науке	9
1.2. Риторика кризиса	20
1.3. Сравнительное литературоведение и медиакомпаративистика	24
ЧАСТЬ 2. Основные этапы развития медиакомпаративистики	35
2.1. Знакомство с иностранным опытом	35
2.2. Перевод в структуре компаративных исследований ...	48
2.3. Заимствование и подражание	61
ЧАСТЬ 3. Движение жанров в европейской прессе	66
3.1. Pamфлет и его разновидности	66
3.2. Эссе как социально-личностный жанр	75
ЧАСТЬ 4. Компаративистика в исследованиях отечественной и мировой журналистики	89
4.1. Сравнения медиасистем. Первая попытка макроисследования	90
4.2. Методика Д. Халлина и П. Манчини в исследовании медиасистем	96
ЧАСТЬ 5. Новые медиа в современном коммуникативном пространстве	107
5.1. Развитие сетевых СМИ. От Web 1.0 к Web 4.0	107
5.2. «Предупреждение» Жана Бодрийяра	114
Вместо заключения. Новое время — новая журналистика ...	118
Примечания	122

ВВЕДЕНИЕ

Если проследить изучение журналистики в историческом плане, то можно предположить, что первоначально применялись филологический и исторический методы, что зависело от круга изучаемых проблем, от сложившейся традиции и накопившегося опыта эмпирических исследований. О подобной зависимости говорится в книге Юлиана Саймона «Базисные методы исследования в социальной науке» (Нью-Йорк, 1969). Применение *филологического* метода было вызвано необходимостью изучать и распространять мастерство, умение владеть словом, выяснять причины популярности того или иного автора, обучать новичков. Так познавались секреты мастерства, сначала в процессе индивидуального обучения, а затем и в школах журналистики, появившихся в разных странах в конце XIX — начале XX в. Со временем возникла необходимость добраться до истоков журналистики, выявить причины ее зарождения, зафиксировать в хронологическом порядке этапы ее становления и развития, что повлекло за собой активное использование *исторического* метода. Пробуждение социального сознания; имущественное расслоение общества; революционное движение, развернувшееся в Европе в XVIII—XIX вв.; эпохальные события начала XX века в России, изменившие политическую карту мира, настоятельно потребовали изучения взаимоотношений журналистики с другими институтами общества и, прежде всего, с властью, правом и политическими партиями. И — как следствие — обозначилась потребность в привлечении исследовательских методов таких частных наук, как политология, юриспруденция. Применение в дальнейшем *социологических* методов дало возможность избежать субъектив-

ности при изучении контента, установить обратную связь с аудиторией, выявить ее запросы и предпочтения. Вторая половина XX в. отмечена в области изучения журналистики привлечением *психологических* методов. Это было связано со стремлением повысить эффективность текстов, усилить их воздействие на сознание разных социальных групп. Изучение аудитории, кроме того, активно стимулировалось бизнес-сообществом, желавшим иметь максимально полное представление о потенциальных потребителях своей продукции.

На современном этапе всё чаще проводятся междисциплинарные исследования, когда привлекаются методы не только гуманитарных, но и технических наук для более глубокого изучения специальных тем и направлений, освещаемых в СМИ, а также для анализа аудиторных предпочтений. Например, методы математической статистики и медиаметрии, а также многомерного шкалирования, факторного анализа, латентно-структурного анализа [1, с. 25].

Рассматривая заявленную тему, мы будем употреблять, прежде всего, термин *журналистика* как основополагающий, вобравший в себя самые разные аспекты деятельности человека по производству и массовому распространению информации.

Определение понятия журналистика было дано профессором МГУ Е. П. Прохоровым еще в середине XX века. Впоследствии оно лишь незначительно уточнялось, но суть оставалась прежней: журналистика — «специфический социальный институт, деятельность в рамках которого требует особых профессиональных знаний и навыков по созданию системы различных произведений для широкой совокупности каналов массовой информации различной социально-творческой направленности» [2, с. 17]. Затем в

разных вариациях, с добавлениями, изменениями это определение повторялось отечественными исследователями. Сходные определения дают и западные ученые: «Журналистика относится к процессу сбора, или отражения текущей информации (или новостей) из нескольких источников (в том числе, прежде всего, интервьюирование людей, чтение или просмотр документов и прямое наблюдение за событиями, местами или людьми); редактирование и проверка новостей на достоверность; распространение (вещание, публикация) этих новостей, обычно в форме повествования, но также и в других формах, таких как интерпретация фактов с помощью анализа или представление их как экспертные мнения» [3, с. 645].

Но уже с середины XX века стало ясно, что усложнение, политизация, технологизация журналистики требуют для ее изучения выхода за рамки родового понятия. Так появились новые дефиниции, пришедшие к нам вместе с переводной литературой: массовая коммуникация, средства массовой коммуникации, средства массовой информации (вытеснившее понятие «средства массовой информации и пропаганды»), массмедиа, новые медиа. Это вызвало определенную путаницу в использовании терминологии. Не случайно на эту тему состоялось немало дискуссий и было опубликовано большое количество материалов (Бакулев Г. П., Вартанова Е. Л., Землянова Л. М., Назаров М. М., Свистич Л. Г., Терин В. П., Шарков Ф. И., Фомичева И. Д. и др.). Не вдаваясь в подробности, коротко охарактеризуем некоторые понятия, которые порой представляли собой кальку с иностранного языка.

Как писал отечественный ученый А. А. Леонтьев (продолживший дело своего отца выдающегося психолога А. Н. Леонтьева): «Общение, или коммуникация — одна из

форм взаимодействия людей в процессе деятельности. Представляя собой процесс обмена сообщениями, в которых содержатся результаты отражения людьми действительности, общение является неотъемлемой частью их социального бытия и средством формирования их сознания, индивидуального и общественного» [4, с. 154]. Коммуникацию можно разделить на виды: 1) в зависимости от охвата населения (массовая, межгрупповая, межличностная); 2) от организации функционирования: формализованная (то есть определенным образом оформленная, регулируемая официальными документами директивного характера — печать, радио, телевидение, сетевые издания, распространяемые через интернет; информационные агентства, рекламные агентства а также кино, книги, библиотеки, школы как средства распространения знаний из разных областей) и неформализованная (например, слухи, анекдоты, песни и т. п., распространяемые по неофициальным каналам). А. А. Леонтьев рассматривал массовую коммуникацию как вид деятельности. Сущностью ее является воздействие на общество путем внедрения в массовое сознание определенных норм, ценностей, установок, присущих тем или иным социальным группам. Употребляя понятие средства массовой коммуникации (СМК), мы имеем в виду все каналы регулярного распространения социально значимой информации на численно большую рассредоточенную аудиторию. Понятие «средство массовой коммуникации» (СМК) шире, чем понятие «средство массовой информации» (СМИ), под которым обычно понимают печать, радио, телевидение, сетевые издания. Термин пришел к нам как калька с французского — *моуэнс д'информацион де массе*. Несмотря на то, что термин СМИ некоторыми исследователями считается устаревшим, подчеркивающим однонаправленность коммуникации «сверху

вниз», введенным в оборот партийными документами в 1960-х гг., он устоялся в нашей стране и широко употребляется, особенно после принятия Закона о СМИ (1991).

Еще один термин, широко употребляющийся отечественными исследователями, — это массмедиа (*medius* — ед. число, *media* — мн. число, лат. — средний, срединный). В западных исследованиях о прессе подчеркивается, что она является не только средством информирования и общения людей, но также посредником между властью и населением. Термин пришел к нам в период хрущевской оттепели, со временем приобрел большую популярность, смеем предположить, в том числе и из-за стремления к языковой экономии. Гораздо проще сказать «медиаисследования», чем «исследования печати, радио и телевидения, интернета». По тому же принципу употребляются термины медиасфера, медиааудитория, медиаэкономика, медиаатака, медиасociология, медиапсихология, медиапрофессионалы, медиapedагоги и пр. Обычно термин массмедиа употребляется как синоним термина СМИ.

В перечне методов исследования отечественной журналистики особо следует выделить сравнительный или компаративный (*comparativus*, лат. — сравнительный). Пройдя сложный путь развития от метода к методологии, медиакомпаративистика в настоящее время представляет собой новое направление в науке о массовой коммуникации, и ее задача как всякой науки — изучать законы, устанавливать взаимосвязи, закономерности и принципы деятельности.

ЧАСТЬ 1

Компаративистика как методологическая основа изучения журналистики

1.1 Компарация. От метода — к науке

Сравнительный метод, пожалуй, один из первых методов анализа, который применялся людьми с древних времен, может быть потому, что сравнение — это существенный принцип мышления. Сталкиваясь с чем-то новым, неизвестным, человек пытался охарактеризовать его, сравнивая с тем, что ему уже известно. Затем он стремился выявить наличие общих черт, что позволяло ему по аналогии судить о свойствах незнакомого предмета и возможности его использования в повседневной жизни. Со временем этот прием стал основным в зарождающейся науке. К сравнению прибегали еще пифагорейцы. В Древней Греции Аристотель сравнивал формы правления в разных странах. Геродот сопоставлял традиции, нравы и быт разных народов. Ксенофонт приводил молодежи в пример систему воспитания персов. Сущностные черты сравнительного метода встречаем у Р. Декарта, Ф. Бэкона, Дж. Локка. Последний, характеризуя сравнение как самостоятельный метод, рассматривал его в качестве основы теории познания. С этой точкой зрения был не согласен Г. -В. Лейбниц, считавший, что процесс познания нельзя сводить только к сравнению, выявлению соответствия. Прежде всего нужно познать суть отношений, связи между явлениями не только одного, но и разных порядков. Внесли свой вклад в разработку срав-

нительного метода Г.В.Ф. Гегель (он проводил сравнение философских систем Фихте и Шелли), О. Кант, А. Шопенгауэр. Так, Шопенгауэр отмечал две стороны сравнительного подхода к изучению объектов: уникальность культур и сходство процессов, которые происходят внутри них.

Чтобы в результате сравнения получился корректный вывод, анализируемые ряды должны быть одного порядка, то есть иметь общее основание для выделения значимых признаков. Однако оказалось, для того чтобы подчеркнуть, оттенить какую-то грань исследуемого объекта, его можно сравнить с другим рядом, где эти грани прослеживаются особенно ярко. Так, Аристотель сравнивал характер фабулы трагедии с характером красок в живописи. Интермедийные сравнения можно встретить у немецких романтиков: «Поэзия относится к драме как барельеф к скульптурной группе» (Ф. Шлегель). Чисто музыкальный термин полифония стал использоваться в XIX в. при анализе драматических произведений, а в XX в. и при исследовании литературных произведений более крупных жанров, например, романов. Поэзию часто сравнивают с музыкой, музыку — с живописью. «Диалог» искусств имеет... различные уровни. В преображенном виде «живописность» и «музыкальность» входят в структуру литературных произведений. «Литературность», напротив, проникает в живописные и музыкальные тексты. При помощи сопоставления, подобия и различия разных видов искусств выявляется их специфика, непохожесть друг на друга и одновременно — их родство» [5]. В настоящее время американская школа У. Вайнштейна в рамках компаративистики изучает взаимоотношения литературы и других видов искусств.

До сих пор существуют разногласия, в каких областях знаний может применяться сравнительный метод. По

мнению одних, только в гуманитарных: «Компаративистика — общее название совокупности сравнительных методов в различных областях гуманитарного знания (правоведение, литературоведение, языкознание, культурология, история и религиоведение)» [6]. Другие расширяют область применения метода: «Компаративистика в современном понимании и наиболее общем смысле представляет собой комплекс социальных, гуманитарных и естественных дисциплин, основным методом и формой существования которых является сравнение... Компаративистика охватывает языкознание, литературоведение, фольклористику, биологию, правоведение, экономику, политологию, этнографию, философию, социологию, историографию, антропологию и другие науки» [7, с. 6].

Несомненно, границы применения компаративного метода довольно широки. Там, где есть сходство объектов по ряду релевантных элементов (абсолютное сходство возможно только в идеальных конструкциях), можно прибегать к сравнению. Однако в настоящее время этот метод в основном применяется в гуманитарных и социальных науках, но прибегают к нему, как и ко всякому другому, в зависимости от поставленной цели. Главное — с его помощью получить ответы на возникшие вопросы.

Во второй половине XIX в. сравнительный метод приобрел необычайную популярность в научных исследованиях. Однако ученые постепенно начали понимать, что сравнение — это не доказательство. Само по себе оно не может быть основной целью анализа. Оно должно решать познавательные задачи. Простым перечислением фактов сходства и различия нельзя объяснить многие процессы. Важно выяснить, чем обусловлено сходство, каковы общие характеристики сравниваемых объектов, возникли они ав-

тономно или это результат заимствования, каковы их истоки, общие принципы деятельности? Эти и другие вопросы составляют *методологическую основу компаративистского подхода*. Суть его заключается в том, что он представляет собой комплексный научный метод, предполагающий совокупность приемов научного познания, сравнения и сопоставления. Компаративистский подход требует прежде всего решения ряда проблем, в частности определения субъекта и объекта исследования, объективности в проведении анализа, корректности полученных выводов. Субъект (ученый, группа лиц) не может быть абсолютно нейтральным по отношению к изучаемому объекту. Известная доля субъективности всегда будет присутствовать. Здесь важно, чтобы субъективность не переходила в субъективизм, когда социальные, национальные и прочие установки личности ученого сказываются на процедуре исследования, приводят к выводам, искажающим действительность. Нередки случаи, когда ученый фиксирует только то, что вписывается в схему его представлений о мире и опускает то, что этому противоречит. Известная отстраненность от объекта, принятие разных точек зрения помогают решить эту проблему. В современной постнеокласической науке субъективность признается как допустимый элемент научного знания, оказывающий влияние на процесс анализа. Но всё это должно соответствовать логике исследования и исключать субъективизм как право на произвол. Современный ученый понимает, что объект не управляется субъектом. Его поведение подчиняется законам природы и общества [8].

Компаративистский подход требует более строгого отбора объектов исследования, выделение которых может проводиться по двум основаниям: по масштабности и по содержательности. С точки зрения масштабности можно

говорить о микро- и макрокомпаративных исследованиях. На уровне *микрокомпаративистики* для анализа берутся, например, тексты разных авторов на схожую тему или в схожих жанрах, прослеживается эволюция взглядов отдельного автора, решение разными авторами одной и той же проблемы и т. п. В журналистике продуктивным является также сравнение одного или нескольких изданий в одной или разных странах, эволюция одного издания с точки зрения его позиций, способов коммуникации с читателем или сопоставление однотипных изданий: политических, экономических, детских, женских, научных и т. п. *Макрокомпаративистика* предполагает сопоставление идей, тенденций в данную или разные исторические эпохи, влияние на их формирование экономических, политических, религиозных и прочих факторов, обусловленность различных идей, школ, течений общественным развитием, способы отражения национальной идентичности в литературе, журналистике разных стран и т. д.

С точки зрения содержательности сравнение может проводиться по темам, проблемам (например, проблема свободы печати в разных странах), по персоналиям, по сословно-классовым критериям (например, крестьянство Западной Европы и России) и т. д. Корректность выводов, как уже указывалось, во многом зависит от выделения элементов сравнения, выявления их общих характеристик, вплоть до эталонных. Сравнительные исследования могут быть синхронными, когда сопоставляются объекты одного временного ряда, и диахронными — объекты отделены друг от друга во времени, иногда довольно существенно, например, античное искусство сравнивается с современным. В целом структура компаративистского подхода состоит из следующих операций: выделение объектов сравнения; вы-

явление элементов сравнения (ключевых понятий, свойств и качеств, составляющих объект); определение историко-культурных предпосылок формирования той или иной концепции; осмысление культурных, социальных и прочих контекстов, важных для анализа и интерпретации фактов [9]. Такой подход дает возможность не только определить специфические особенности и национальные характеристики сравниваемых объектов, но также выявить тенденции их развития, прогнозировать направление их трансформации и тем самым углубить познание окружающей действительности.

Специалист в области исторической компаративистики М. М. Кром советует исследователям прежде всего четко сформулировать вопрос, на который они хотели бы получить ответ, прибегая к сравнительному методу. Этот вопрос и постановка задачи определяют выбор объектов сравнения. Иначе, цитирует автор Ш. Бергера, занимающегося сравнительной историей Европы, «вместо сравнения мы просто будем рассказывать «параллельные истории» [10, с. 157]. На наш взгляд, здесь четко определяется процедура исследования: прежде всего нужно ответить на вопросы, ЧТО и ЗАЧЕМ сравнивать, а затем уже решать, КАК это сделать.

Поскольку компаративистика как метод и как методологический подход используется в различных исследованиях, можно говорить о ее междисциплинарном характере, наряду со структурным и системным анализом, синергетикой. На определенном этапе развития компаративистики «знание — цель» превращается в «знание — средство», то есть сравнение важно не само по себе, а именно потому, что с его помощью расширяются возможности исследования. В результате происходит дифференциация компаративистики, то есть образование *самостоятельных научных дисциплин*,

объектом которых является конкретная область знания, а компаративный подход, являясь основным, обеспечивает новое направление анализа. Он позволяет выработать и теоретически систематизировать объективные данные о конкретной действительности, определить причины сходств и различий в исследуемых явлениях, тенденции развития сравниваемых объектов, объяснять действительность и прогнозировать будущее в разных системах и обществах. В настоящее время существует довольно обширная литература по педагогической компаративистике, правовой, философской, научной, религиозной, по сравнительному языкознанию, сравнительному литературоведению и т. д.

В рамках конкретной науки происходит не только сравнение различных школ, направлений, течений, но и объясняется их происхождение, обосновывается их разность и схожесть. Таким образом, несмотря на все увеличивающуюся дифференциацию любой современной науки, создается целостная картина определенной области знаний. Например, чем отличается философская компаративистика как наука от истории философии? По мнению отечественного ученого А. С. Колесникова, философскую компаративистику можно рассматривать в двух смыслах: «внутреннем» (универсальном) и «внешнем» (локальном). В первом смысле философская компаративистика означает выход за пределы всех культурных различий к универсальности и уникальности человеческой души, экзистенции, соотносении и совпадении «уникального с уникальным». Во втором смысле философская компаративистика означает выявление сходств и различий, общего и особенного в философских учениях, традициях и культурах и их типологию [11]. А. Колесников называет философскую компаративистику метафилософией или «фило-

софией философии» [12]. Задача истории философии — изучение процесса возникновения и развития различных философских взглядов, школ, течений и их выдающихся представителей с древних времен до сегодняшнего дня. В ряде университетов мира, например, в Гавайском (Гонолулу, США) с 1936 г., а в других — с середины XX в. проводятся исследования под общим названием «Философская компаративистика», где на первый план выдвигается методологическая основа сравнительных исследований. Осуществляются такие исследования и в нашей стране. Институт философии РАН основал в 2000 г. серию «Сравнительная философия». В Санкт-Петербургском государственном университете функционирует Центр философской компаративистики и социогуманитарных исследований. В Москве (РУДН) существует Межвузовский центр гуманитарного образования по философской компаративистике. На философских факультетах ряда университетов нашей страны читается курс, посвященный философской компаративистике.

Одной из наиболее развитых компаративистских наук, наряду со сравнительным литературоведением и сравнительным языкознанием, является сравнительная педагогика, которая изучает «преимущественно в сопоставительном плане состояние, закономерности и тенденции развития педагогической теории и практики в различных странах и регионах мира, а также соотношение их всеобщих тенденций, национальной и региональной специфики» (Российская педагогическая энциклопедия). В научный оборот термин сравнительная педагогика ввел Марк-Антуан Жюльен де Пари (1775–1848). Он считал необходимым изучать содержание и способы воспитания молодежи в разных странах с тем, чтобы взять лучшее и выработать общую для европейских государств теорию подготовки образованного чело-

века и тем самым способствовать всеобщему культурному прогрессу. Специалистам по истории журналистики М.-А. Жюльен знаком прежде всего как основатель и бессменный редактор известного в XIX в. не только во Франции, но и в России журнала «Revue encyclopedique» (1819–1831), у которого были тесные связи с «Московским телеграфом» Н. Полевого. В настоящее время активную работу по сопоставлению практики и организации деятельности воспитательного процесса ведут Общество сравнительной педагогики (Соединенные Штаты), Европейское общество сравнительной педагогики (Англия); Институт сравнительной педагогики (Австрия); Институт международных педагогических исследований (ФРГ). Их отделения имеются во многих странах Европы. В 1970 г. в Канаде начал свою работу Всемирный совет обществ сравнительного образования.

Справедливости ради надо сказать, что попытка выйти в компаративистике на новый уровень знаний не всегда удается. Порой речь просто идет об истории развития какой-либо науки. Поэтому определения компаративистики как науки бывают довольно расплывчатыми, что дало основание некоторым исследователям говорить о неразвитости этого направления. Более того, рассматривая методологические основы компаративистики в рамках приемов, характерных для формальной логики, они ставят под сомнение «правомерность выделения компаративистики как отдельной научной дисциплины», считая, что скорее «следует говорить о компаративном методе, который может выполнять самые разные функции и не абсолютизировать сравнение как таковое, а рассматривать его как одно из средств познания» [9]. Вряд ли можно согласиться с таким категорическим утверждением. Например, сейчас невозможно представить себе мир без научной компаративистики, которая возник-

ла как противовес всё увеличивающейся дифференциации, сегментации науки, и «растущей изоляции ученых внутри научного сообщества», что порождал о утрату «единства и целостности картины мира и уникальности человека в ней» [8, с. 21]. И даже историческая компаративистика сейчас выделилась в отдельную область знания, не сводимую к линейной истории стран и народов.

Компаративистика как наука постоянно развивается. Например, ученые, считают, что сейчас задача философской компаративистики усложнилась, нужно переходить от идеи создания мировой философии, то есть синтеза всех философских учений, к идее «понимания другого на основе признания права на различие философских культур и легитимности постижения этих различий в их самоценности и возможности диалога между ними с учетом сложностей эпистемологического, а не только языкового или культурного перевода, феномена неэквивалентности понятий в разных языках и прочной связи мышления и языка» [9]. Те же самые мысли высказываются и в отношении создания мировой литературы. Не случайно всё больше появляется работ о «дружости», о восприятии иного человека, представителя иной культуры. Компаративистика в настоящее время идет по линии от поиска совпадений к поиску различий с целью выявить самобытность и ценность национальных особенностей, показать их вклад в общемировую литературу, культуру, науку.

В рамках компаративистики как науки можно выделить различные методы:

— *сравнительно-исторический* (объекты рассматриваются в их генетическом, историческом развитии, выявляются их сходства и различия). При исследовании журналистики этот метод позволяет выявить причины, вызвавшие ее развитие и функционирование в разных странах, указать

факторы, обеспечившие общие принципы ее возникновения, обобщить разные национальные составляющие;

— *сравнительно-типологический*, когда упор делается на рассмотрении типов объектов в их историческом пространстве (генезис, причины изменения типов);

— *индивидуализирующий*, который позволяет рассмотреть специфические особенности сравниваемых объектов (например, в творчестве разных авторов в одной или в разных странах). В результате, сравнение различных форм особенного позволяет перейти к обобщению, к характеристике общего.

Таким образом, компаративистику можно рассматривать в трех ипостасях:

— *метод*, включающий в себя всевозможные варианты (сравнение, сходство, сопоставление, аналогия, интерпретация, параллелизм, адаптация, типологизация, реконструкция);

— *методологический подход*, объясняющий причины сходств, и различий, логику влияния, заимствования и ассимиляции на основе принципов научного исследования, обусловленных мировоззрением данного научного направления [13, с. 177];

— *наука*, имеющая свой *объект* (конкретная область знания), *предмет* исследования (законы и закономерности развития литературных, культурных, философских, политических, экономических и прочих институционализированных систем) и свои *категории* — наиболее общие понятия, которыми оперирует данная наука (сходство, отличие, тип, заимствование, влияние, подражание, переработка и др.).

Некоторые исследователи выделяют общую и специальную компаративистику. Общая предполагает сравнение с иностранными фактами, явлениями, специальная — про-

водит сравнение объектов только внутри страны. На наш взгляд, речь идет только о содержательной стороне исследований, а сам процесс остается неизменным, поэтому принципиальных различий между ними нет.

1.2. Риторика кризиса

Триумф сравнительного метода продолжался и в первой половине XX в. В этот период шел постоянный процесс накопления фактического материала. Но процесс этот непрерывен. Неизбежно наступает момент, когда необходимо ограничение, отсеивание главного, существенного от второстепенного. Но уже к 1950–1960 гг. было замечено, что существует реальная опасность «утонуть» в фактографии. Об этом говорили известные компаративисты — Диони Дюришин, Гуго Дизеринк и др. А болгарский ученый Галин Тиханов в 1990 г. открыто провозгласил гибель литературной компаративистики. По мнению ученых, слишком много накопилось фактов о влиянии и заимствовании, но, почему сформировалось это влияние, что и как заимствовалось, всегда ли оправданным оно было? На эти и другие вопросы не было вразумительных ответов. О компаративистике стали говорить в терминах кризиса. Отсюда пошло выражение «риторика кризиса». Серьезными проблемами компаративистики также были, во-первых, упор на выяснении влияний, в основном, иноземных. Во-вторых, европоцентризм западных исследований, которые утверждали, что Европа — главный источник влияния. А представители французской школы: Фернан Бальдансперже (F. Baldensperger), Поль Ван Тигем (Paul van Tieghem), Жан Мари Карре (Jean-Marie Carré) вообще главным источником влияния считали Францию.

В сравнительном литературоведении ситуация усугубилась еще и тем, что компаративистика утратила свое единство. Представители «классического» направления продолжали изучать литературные формы, не связывая их с общественными условиями, с жизнью. В то же время американская школа стремилась вовлечь литературную науку в политическое русло. А сторонники психологической школы, основателем которой был А. А. Потенбя, и его последователи (Д. Н. Овсяннико-Куликовский, А. Г. Горнфельд и др.) утверждали, что изучать литературное произведение необходимо прежде всего с точки зрения восприятия и интерпретации его читателем. В свое время отдал дань этому направлению и академик Ал-др Н. Веселовский [14, с. 417].

Вопрос о кризисе компаративистики серьезно обсуждался на втором конгрессе Международной ассоциации сравнительного литературоведения, который состоялся в США осенью 1958 г. «Компаративисты накопили огромное количество параллелей, сходств и подобий, — сказал в своем докладе американский ученый Рене Уэллек (Rene Wellek), — но они редко задавались вопросом, что эти аналогии могут означать, кроме того простого факта, что один писатель читал когда-нибудь другого. Произведения искусства не складываются из суммы влияний. Они составляют единое целое, в котором инородный материал органически усваивается при создании нового». В этих словах выражается довольно скептическое отношение Р. Уэллека к компаративистике, которую он считал бесперспективной эмпирической методологией и которую затянувшийся кризис вообще превратил в «стойку заводь» [15, p. 219].

Разговоры о кризисе литературной компаративистики продолжались и в 90-е гг. XX века. Британская исследовательница Сюзан Бэсснетт в своей книге «Сравнитель-

ное литературоведение: критическое введение», вообще, говорит о смерти компаративистики [16]. Американская Ассоциация компаративистов (ACLA) опубликовала два сборника материалов, в которых излагались споры сторонников и противников идеи кризиса: *Comparative literature in age of multiculturalism* / Ed. Ch. Bernheimer. Baltimore, 1995. (Сравнительное литературоведение в эпоху мультикультурализма) и *Comparative literature in age of globalization*/Ed. Ch. Bernheimer. Baltimore, 2000 (Сравнительное литературоведение в эпоху глобализации). Президент Ассоциации Чарльз Бернхеймер был сторонником тех, кто предсказывал скорую смерть компаративистики [17, с. 39–48]. Писательница и литературный критик Даниэль Маделена в своей статье «Как писать историю сравнительного литературоведения» отмечает кризис идентичности в литературной компаративистике, сравнивает его с кризисом подростка в пубертатном возрасте: нервозность, что связано с потоком критики в его адрес, возрастные комплексы, инфантильность, интравертность [18, р. 265]. По сути дела, был продолжен позитивистский спор, нужен ли вообще анализ или достаточно констатации фактов, тщательный сбор которых сам по себе может сформировать целостное знание о предмете. Некоторые ученые предлагали даже печатать каталоги совпадений и параллелей, найденных в литературных произведениях авторов разных стран, без интерпретации и рассуждений.

Несмотря на то, что речь прежде всего шла о кризисе литературной компаративистики, где выяснялись в основном факты влияния и заимствования у страны-донора, эти недостатки можно было отнести и к компаративистике, применяемой в других областях знаний. Речь зашла о будущем компаративистики. Чарльз Бернхеймер предложил

в качестве пути выхода из кризиса расширить количество объектов анализа и уйти от сравнения литератур к сравнению культур. Как утверждает У. Шеннинг в статье «Культура и интеркультурность», опубликованной в рамках проекта «Международный словарь литературных терминов», интеркультурные исследования учитывают как состояние «влияющей» и «реципирующей» литературы, так и всё, что сопутствует контактам (условия и следствия, выбор, трансформация, формы, средства, способы передачи, персоналии и группы или социальные слои, которые участвуют в трансферте) [19]. Отклики ученых на это предложение были достаточно бурными. Словенский компаративист Томо Вирк обобщил и проанализировал эти отклики в книге «Сравнительное литературоведение против сравнительного изучения культур» [20].

Некоторые ученые согласились с точкой зрения американской исследовательницы Гайатри Спивак, которая в своей книге «Смерть дисциплины» назвала все эти споры «бурей в стакане» [21, р. 1].

Отечественный ученый М. Осокин, обстоятельно проанализировав «риторику кризиса» литературной компаративистики, отмечает: «Специалисты по проблемам методологии литературных школ... предостерегают против перспективы смещения традиционных центров в сторону культурных исследований, настаивая на неисчерпанности традиционного методологического репертуара, например, указывая на существование дефиниций литературности, учитывающих контекстуальность и идею взаимодействия читателя с текстом, на концепцию «интерлитературности» Диони Дюришина, до сих пор удерживающуюся в научном обороте, наконец, на вполне «контекстуализированные» кросс-культурные исследования американской школы ком-

паративистики, ориентированные на поддержание диалога с другими дисциплинами и культурными дискурсами» [22, с. 64]. М. Осокин согласен с теми учеными, которые считают, что перед нами не кризис филологии, а кризис отдельных филологов. Именно об этом шел разговор на встрече компаративистов за круглым столом, состоявшейся в Москве 20 сентября 1995 г. [23]. Директор Института мировой литературы РАН А. Б. Куделин, в 2011 г., выступая на очередном русско-французском коллоквиуме, посвященном транснациональной истории компартивизма, отмечал, что разговоры о кризисе сравнительного литературоведения ведутся на каждом конгрессе из года в год, но на самом деле они «свидетельствуют не о смерти этой науки, а о развитии, ведь кризис — естественное явление для непрерывно становящейся области научного знания» [24].

1.3. Сравнительное литературоведение и медиакомпаративистика

Теоретическое осмысление возможностей применения сравнительного метода в журналистике имеет небольшую историю, поэтому разговор о медиакомпаративистике следует начать с краткого обзора сравнительного литературоведения. И не только потому, что в том и в другом случае исследователь имеет дело с текстом — художественным или публицистическим. Но также и со сходной структурой: автор, читатель, издатель, распространитель (книготорговец). Способ существования текста — разный: книга, журнал, газета. Позже к ним прибавились радио, телевидение, интернет. Однако, как отмечают западные исследователи, в некоторых странах, прежде всего во Франции, в XIX в. произошло «скрещивание» литературы

и прессы. Сущность этого процесса подробно объясняют французские исследователи Д. Калифа и А. Вэйан в статье «О культурной и литературной истории французской прессы XIX в.», опубликованной в электронном журнале «Le Temps des Medias» (Время Медиа) [25]. Журнал был основан в рамках исследовательской программы «Цивилизация газеты», запущенной во Франции в 2003 г. и предусматривавшей тесное сотрудничество историков и литераторов в рассмотрении проблем прессы. Литература в этот период, как пишут Д. Калифа и А. Вэйан, перешла из книг в прессу. Причин тому было несколько. Издание книги — дорогое и долгое дело. Печатать книгу небольшим тиражом невыгодно. А большим — опасно, вдруг не разойдется? Как вернуть затраченные деньги? Печатаение же художественного произведения в прессе по частям значительно ускоряло процесс распространения книги, значительно увеличивало круг читателей, к тому же не особенно обременяло их финансово.

Во Франции впервые начала публикацию художественных книг газета «Journal des Debat» под рубрикой роман-фельетон, увеличив в длину формат своих страниц. Но газеты были не только распространителями литературных произведений. Д. Калифа и А. Вэйан утверждают, что «в этом скрещении тысячелетнего искусства книги и нового искусства — медиа происходит главное превращение, которое изменяет нашу концепцию литературы и более того — всей нашей культуры... Соединение литературы и газеты оказало влияние на эволюцию литературы, на стиль писателей, которые черпали из прессы свои темы». Без публикации в прессе литературное произведение не считалось состоявшимся. Многие известные писатели того времени были также и известными публицистами. Другая причина перехода литературы в газету, указывают французские исследователи, связана с тем,

что из французской прессы в этот период ушла политика. В течение почти всего XIX в., от Наполеона I вплоть до III Республики, до Закона о свободе и печати 1881 г., «бдительное законодательство довлело над прессой». Ей запрещалось, за редкими исключениями, поднимать политические вопросы, участвовать в обсуждении идей. Газетные колонки надо было чем-то заполнять. По большей части это делалось за счет развлекательных материалов, реплик-насмешек, пикировок на бытовые темы и публикаций художественных произведений, спрос на которые постоянно увеличивался.

Что дал писателям переход книги в газету? Д. Калифа и А. Вэйан считают, что прежде, начиная с античных времен, слово, устное или письменное, выступало посредником между автором и аудиторией. Однако и массовый (публицистический) текст, и художественное произведение, распространяемые через новое средство коммуникации — газету и интегрированные в комплексную систему культурного потребления, проявили себя не как слово-посредник, а как слово, опосредованное прессой. То есть появился иной стиль письма, иная логика изложения. Изменился и тип поведения автора, темп работы должен был подчиняться графику выхода газеты. Этот диктат времени «может играть решающую роль, трансформируя восприятие автором политики, культуры, искусства и т. д.». Кроме того, исследователи отмечают, что литература в этот период становится «более экономной» с точки зрения изобразительно-выразительных средств: исчезли длинные рассуждения, излишняя детализация, пространные описания, больше стало диалогов, сюжет с самого начала должен был захватить читателя своей интригой, напряженностью. В целом литература становится более злободневной, откликается на актуальные запросы общества, чаще обращается к социальным проблемам [26].

Сходные процессы проходили и в российской журналистике XIX в. На это обратил внимание В. Г. Белинский. Подробно этот вопрос рассматривается в статье В. Г. Березиной «Белинский о типологии русской периодики 1830–1840 годов (к истории энциклопедического журнала)» [27, с. 3–21]. Еще в 1830 г. критик писал, что в России начинается процесс вытеснения журналами книжной печатной продукции. Через десять лет он уже констатирует с уверенностью: «журнал поглотил у нас всю литературу» [28, с. 566]. Первым начал печатать в полном объеме художественные произведения О. Сенковский в своем журнале «Библиотека для чтения». В отличие от Франции литературные произведения печатались в России не в газетах и не во всех журналах, а преимущественно в энциклопедических, которые значительно увеличили свой объем и могли публиковать почти целиком повести и романы. По мнению Белинского, такое вытеснение прежде всего шло на пользу делу просвещения страны. Журналы приходили в самые отдаленные уголки России и тиражи их исчислялись не сотнями, как книги, а тысячами. Такого же мнения придерживался и А. И. Герцен: «Это действительно лучший способ распространять просвещение в обширной стране среди публики, столь разбросанной, как читатели в России» [29, с. 217].

Добавим, что у литературы и журналистики есть и другие общие черты:

- сходные стадии литературного процесса;
- типологические категории (стили, направления);
- жанрово-тематические каноны;
- эмоциональный фон (отстраненность-нейтральность, героика, трагизм, сатира, осмеяние); — влияние литературной моды;
- формы работы с читателями.

Поэтому исследование медиакомпаративистики неизбежно будет базироваться на наработках в области сравнительного литературоведения. Системное построение разделов такого исследования определил известный румынский компаративист А. Дима: межлитературные контактные связи (переводы, влияния, заимствование); типологические сходжения (при отсутствии генетических связей сходство в разработке тем, образов, использовании жанров, типов изданий и т. п.) и наконец, «специфические особенности каждой национальной литературы в сравнительно-историческом освещении» [30, с. 21].

Считается, что термин сравнительное литературоведение ввел в оборот в первой половине XIX в. французский ученый и государственный деятель Абель-Франсуа Вийемен (в другой транскрипции — Вильмен). Будучи профессором Сорбонны, он читал лекции по античной и зарубежной литературе и часто прибегал к методу сравнения. В итоге — издал книгу «Очерки древней и зарубежной литературы» [31].

Во второй половине XIX века в литературоведении происходит четкое разделение предмета исследования: история литературы, теория литературы и сравнительное литературоведение.

В задачу данной работы не входит специальное рассмотрение проблем сравнительного литературоведения, потому что в настоящее время существует обширная литература по этой теме: монографии, статьи, сборники по итогам международных конференций и т. д. В разных странах выходят специальные журналы. В количественном отношении все эти материалы значительно превосходят любую другую компаративистскую дисциплину. Остановимся лишь на некоторых аспектах, важных для медиакомпаративистики. Среди отечественных ученых дореволюционного периода,

внесших большой вклад в оформление сравнительного литературоведения как науки (Ф. И. Буслаев П. Н. Милюков, Н. А. Бердяев и др.), особо выделяется фигура Александра Николаевича Веселовского (1838–1906), академика, профессора Санкт-Петербургского университета. Его младший брат, профессор Московского университета Алексей Николаевич Веселовский (1843–1918) также был филологом, но сейчас он менее известен, хотя ссылки на его работу «Западные влияния в новой русской литературе» (1883) нередко можно встретить и в современных исследованиях.

Известно, что братья придерживались противоположных взглядов по ряду вопросов. Например, Александр Николаевич считал, что искусство является отражением действительности и его нельзя исследовать в отрыве от той обстановки, в которой оно развивается. Такой же была его позиция при изучении литературы, а также различных явлений культуры. Алексей Николаевич возражал против такой связи. Он считал искусство независимым феноменом, не связанным с тем, что находится вне его. Дальнейшее развитие научной мысли подтвердило правильность идей Александра Николаевича. Сопоставление объектов разных стран невозможно без анализа той обстановки, в которой они существуют. Изучая поэтическое искусство народов разных стран, Ал-др Веселовский приходит к выводу о закономерности развития художественных форм. Ученого по праву считают основателем сравнительно-исторического подхода в литературоведении.

Большой заслугой Ал-дра Веселовского является обоснование им идеи встречных течений. Страна-реципиент воспринимает у страны-донора не всё и не всегда. «Заимствование, — писал Веселовский, — предполагает в воспринимающем не пустое место, а встречные течения, сходное

направление мышления, аналогичные образы, фантазии» [32, с. 115–116]. Почва для заимствования должна быть подготовлена *изнутри*: и общественной обстановкой, и уровнем образованности населения, и потребностями развития страны. Только когда внешний импульс соединится со внутренней необходимостью, воспринятое будет не механически использовано, а творчески переработано, «пересоздано», превратившись на новой почве в фактор национальной культуры.

В творческом наследии Ал-дра Веселовского каждый раз открываются новые грани.

Попытку взглянуть в XXI в. по-новому на творческое наследие ученого сделала В. Зубарева, которая рассматривает теорию сравнительного литературоведения с позиции общей теории систем (ОТС). Опираясь на разработки австрийского ученого Людвиг фон Берталанфи (1901–1972) в этой области, автор не механически переносит его положения на творчество Веселовского, а считает, что «расшифровка его основных положений при помощи базисных идей ОТС открывает целую область неожиданных параллелей в подходе к сравнительному анализу» [33, с. 47]. Берталанфи стремился показать, что любая система — это часть более общей системы и подчиняется всем ее закономерностям, управляется аналогичными процессами, поэтому можно говорить о том, что существуют универсальные принципы для всех систем, общие структуры или изоморфизмы (изоморфный — с греч. равный, одинаковый, подобный). «Можно с уверенностью говорить о том, что Веселовский занимался поиском изоморфизмов в различных системах, а не экстраполяциями, как это делала, к примеру, культурно-историческая школа, к которой его причисляют... Призывая к изучению не только общественной мысли, но и всего

того континуума, в котором рождались и развивались произведение и его автор, Веселовский стремился воссоздать не просто историю появления какого-либо литературного течения, но всю многообразную систему отношений — разноплановую, включающую в себя структуры и процессы, как аналогичные тем, что зарождались в смежных областях, так и отличные от них» [там же, с. 49–50]. Второй важный момент в разработках Веселовского, отмечает В. Зубарева, вытекает из предыдущего и показывает отличие его метода от распространенной сегодня теории глобализации: «Глобализация предполагает уравнивание культур посредством изъятия различий между ними и навязывания унифицированного подхода к множеству, которое может быть представлено либо как многообразие, либо как единообразие. Глобализация стремится к единообразию в целях более простого управления множеством с последующей детерминацией его развития. Задачи, которые решал Веселовский, были связаны с поиском того, что *объединяет* различные области, а не *уподобляет* их друг другу. Нахождение общего знаменателя было для него отправной точкой для установления *различий*... Цель ученого состояла в том, чтобы выявить *своеобразие* каждой культуры в кругу других, а не свести их к единообразию» [там же, с. 51].

Рассмотрение учения Ал-дра Веселовского в ракурсе общей теории систем помогает понять и суть его разногласий с В. Стасовым, который также занимался теорией заимствования. В. Стасов известен нам в основном как музыкальный критик. Но он был также историком, этнографом, публицистом, которого современники даже сравнивали с Белинским. Много внимания уделял В. Стасов вопросам заимствования в области литературы и искусства. Его иногда называют предшественником Ал-дра

Веселовского. Изучая происхождение русского былинного эпоса, В. Стасов считал, что он заимствован у восточных народов и отрицал существование изоморфных (тождественных) процессов, которые могли возникать в разных структурах и обществах в силу сходных условий развития. Веселовский же подходил к вопросу существования аналогичных структур не так однолинейно (если есть сходство, следовательно, есть и общие прародители). В «Исторической поэтике» ученый показал, что сходство сюжетов вследствие их миграции существует наряду с их самозарождением в сходных обществах и культурных условиях, а также в результате взаимных влияний и контактов. «Его исследование было направлено на выявление множества параметров, приведших к образованию аналогичных форм, и в этом существенная разница между его методом и тем традиционным подходом, который превалировал в то время» [там же, с. 56]. Вопрос о заимствованиях также был в центре внимания ученого, который требовал прежде всего представить в качестве доказательства факты, а не основываться на гипотезах и предположениях.

В. Зубарева отмечает еще один важный методологический аспект в творческом наследии Веселовского, позднее разработанный в ОТС. Это учение о *промежуточных* стадиях, своеобразных фазах развития системы, в которых «выкристаллизовывается предрасположенность к появлению нового и переоценке старого». И здесь нет понятия «малые» или «великие» явления, факты, личности. Для исследователя все они важны: «Второстепенные, с современной точки зрения, явления литературы и искусства вырастают из самой системы <...>, «приготавливая» эпоху к появлению колоссов» [там же, с. 58]. Для тех, кто исследует какой-либо период (фазу, стадию, временной отрезок), не должно су-

ществовать второстепенных, с современной точки зрения, деталей. Иначе взгляд на этот период может получиться искаженным.

Исходя из этих разработок, мы можем сказать, что в задачу компаративистов входит анализ не только исторической обстановки, общественных отношений, господствующих идей, культурного уровня читателей и т. д. сравниваемых стран, объектов и т. п., (например, медиасистем), но также особенностей быта, взаимоотношений, моральных норм, господствующих в этот период. Последнее входит в поле рассмотрения *имагологии* — науки междисциплинарного характера, цель которой создать целостный образ «другого» — другой страны, другой эпохи, другого народа. Имагология тесно вплетена в идеологическую, экономическую, культурную жизнь этноса, нации. Невозможно проводить сравнения, изучать взаимовлияния без анализа восприятия «чужого» в общественном сознании. Разумеется, Ал-ндр Веселовский не оперировал категориями имагологии — стереотип, имидж, клише, специфический образ, потому что наука эта оформилась лишь в конце XX века, но в его трудах заложены ее базисные идеи. (С 2014 года в нашей стране выходит специальный журнал «Имагология и компаративистика», в котором поднимаются вопросы сравнительного изучения литературы и культуры, а также методологии компаративистики).

В советский период проблемами сравнительного литературоведения занимались М. П. Алексеев, И. Г. Неупокоева, Н. К. Гудзий, В. М. Жирмунский, Н. И. Конрад и др. Начиная с 1940-х гг., исследования в этом направлении прекратились, а ученые были обвинены в космополитизме. Возрождение сравнительного литературоведения в нашей стране началось в конце 1950-х гг. В январе 1960 г. в Институте мировой

литературы АН СССР состоялась дискуссия о взаимосвязях и взаимодействии национальных литератур. С докладом на ней выступил ученик Веселовского В. М. Жирмунский. Он указал, что научная постановка проблемы литературных связей требует учета трех методологических соображений:

1) «влияние не есть случайный механический толчок извне., оно закономерно и социально обусловлено, что определяется «внутренней закономерностью предшествующего национального развития, общественного и литературного»;

2) «всякое литературное влияние связано с социальной трансформацией заимствуемого образа, под которой мы понимаем творческую переработку и приспособление к тем общественным условиям, которые являются предпосылкой взаимодействия»;

3) «сравнение творчества писателя с литературной традицией, национальной и международной, с влиявшими на него предшественниками и современниками, в целях установления исторически обусловленного сходства и различия между ними. Именно с помощью подобных сопоставлений познается творческая самостоятельность писателя и его место в общем развитии литературы, национальной и мировой» [13, с. 177–186].

Обобщая сказанное, можно выделить ряд принципов, которыми руководствуется сравнительное литературоведение, а следовательно, и медиакомпаративистика. Это:

- принцип равноценности актов воздействия;
- принцип «встречных течений»;
- принцип диалога, а не монолога-влияния;
- принцип схожести некоторых форм даже при отсутствии контактов, что происходит за счет сходства общественно-исторических условий.

ЧАСТЬ 2

Основные этапы развития медиакомпаративистики

Рассматривая медиакомпаративистику в историческом плане, можно отметить несколько этапов в ее развитии:

- 1) знакомство с иностранным опытом, описание его;
- 2) переводы как форма контактов;
- 3) заимствование и подражание;
- 4) ассимиляция, трансформация, творческая переработка заимствованного.

2.1. Знакомство с иностранным опытом

Естественно, что строго отделить один этап от другого невозможно. Они взаимно переплетены. Но первоначально развитие медиакомпаративистики шло именно таким путем. На первом этапе медиакомпаративистика неотделима от страноведческой. Последняя появилась тогда, когда начались активные контакты народов разных государств. И как результат — описание путешественниками увиденного в других краях. Впервые литература путешествий появилась в Европе в XI–XII вв. Первоначально она носила религиозный характер. Это были рассказы паломников об их «хождениях» в святые места. Иногда они представляли материалы чисто справочного характера, описывая маршруты, удобные дороги, города, которые встретятся на пути, опасности, которые подстерегают путника. Древнерусская литература оставила нам бесценные памятники

таких «хождений», или «хожений»: «Хождение игумена Даниила», «Хождения Игнатия Смольянина», «Хождение Трифона Коробейникова в Царьград, Палестину и на Афон» и др. Исследователи отмечают, что в России существует более 70 произведений в жанре хождений [34].

В конце XIV — начале XV вв. наметились два направления в литературе путешествий: паломническое и светское. Дипломаты, торговые люди, ученики, осваивавшие науку за пределами своей страны, любители приключений, поехавшие повидать мир, делились своими впечатлениями об увиденном. В этих произведениях иногда явно, иногда подспудно проводилась параллель с обычаями своей страны. Отечественные исследователи жанра литературное путешествие считают важным жанрообразующим признаком такого произведения наличие концептов «свой» и «чужой» [35]. Еще одной особенностью этого жанра является наличие образа родины. Путешественник не только испытывает чувство ностальгии, он по-новому смотрит на свою страну, по-новому оценивает ее и искренне старается, чтобы всё полезное, что встретил он на чужбине, прижилось на его родине. В. М. Гуминский в книге «Открытие мира, или Путешествия и странники» говорит также о жанровой свободе автора, который может переходить от одной темы к другой, от литературного описания фактов к философским обобщениям, но основой жанра является «поездка», перемещение автора во времени и пространстве [36, с. 145].

Географические открытия XV–XVI вв., научные экспедиции XVII–XVIII вв. вызвали большой поток литературы в жанре путешествия и его разновидностей (дневники, записки, письма, путевые очерки). В XIX в. люди зачитывались приключенческими романами-путешествиями. В значительной степени читателей привлекала достоверность

такого рода литературы. Автор описывал то, что он видел своими глазами, узнал, прочувствовал. Одна из первых отечественных светских книг такого рода — «Хождение за три моря» купца Афанасия Никитина о поездке, совершенной им предположительно в 1466–1472 гг. в Индию. В задачу нашего исследования не входит рассмотрение путешествий вымышленных и путешествий по своей стране, когда такая жанровая форма позволяла автору в первом случае иносказательно, а во втором открыто критиковать порядки в родном отечестве.

В России после второй поездки Петра I в Европу в 1717 г. контакты с зарубежными странами стали обычным явлением. Появились и описания зарубежных поездок. Поначалу это были обычно консульские и военные обзоры, сделанные по заказу правительства. В конце XVIII — начале XIX в. сухие обзоры стали дополняться размышлениями не только о нравах, традициях, быте народов тех стран, где автор побывал, но также об общественной жизни, работе государственных органов, постановке образования, политических партиях и течениях, состоянии прессы. Одним из первых больших произведений такого рода в русской литературе были «Письма русского путешественника» Н. И. Карамзина, которые, по мнению В. Г. Белинского, оказали огромное влияние на всю русскую литературу. Двадцатитрехлетний Карамзин в 1789 г. отправился в Европу. За два года и два месяца он посетил Германию, Швейцарию, Францию и Англию, ведя дневник и подробно записывая свои впечатления с твердым намерением представить все это потом русскому читателю, потому что «... наши соотечественники давно путешествуют по чужим странам, но до сих пор никто из них не делал этого с пером в руке. Автору сих писем первому явилась эта мысль». Карамзин не

совсем прав. Такая мысль была у Д. И. Фонвизина, когда он путешествовал по Франции в 1777–1778 гг. и описывал свои впечатления в письмах, отправляемых в Россию. Письма ходили в списках, два из них были опубликованы в 1798 г. в «Санкт-Петербургском журнале». Но полностью свой замысел Фонвизин так и не осуществил.

Особенность «Писем» Карамзина в том, что это многоплановое произведение. Непосредственные наблюдения перемежаются с углублением в историю, философские рассуждения — с этическими и эстетическими оценками. Автор описывал пейзажи разных стран, внешность, характер, привычки, обычаи представителей разных народов, свои встречи с писателями, учеными, впечатления о выставках и театральных постановках и т. п. Автор сознавал, что не все с пониманием встретят такое оформление «записок», где присутствует не только описание увиденного, но и рассуждения по поводу общественно значимых проблем, высказывание своей позиции. Поэтому в предисловии к книге он отметил: «А кто в описании путешествий ищет одних статистических и географических сведений, тому, вместо сих «Писем», советую читать Бишингову «Географию» [37].

Перед поездкой у Карамзина существовало представление о Европе как средоточии свободы, просвещения и духовности — стереотип, сложившийся, по мнению Ю. М. Лотмана, у образованных людей России того времени в значительной степени под влиянием литературных произведений и настроений передового дворянства [38]. Действительность поколебала эти представления даже в отношении характера встреченных людей. Англичане, которыми он прежде так восхищался, показались ему слишком холодными и угрюмыми, молчаливость их принимается за глубокомыслие; итальянцы — коварными; французы — непосто-

янными, легкомысленными, веселыми, легко впадавшими в экстаз, исступление их может доходить до ненависти и иметь страшные последствия, примером чему служит революция. И как результат, признание: «Я хотел бы жить и умереть в своем любезном отечестве». И затем добавляет, что, если это было бы невозможно, то он предпочел бы Францию, хотя отношение к этой стране у него неоднозначное, что связано, вероятнее всего, с революционными событиями 1789 г. Размах их напугал Карамзина. Свои впечатления о французской революции он опубликовал в пятой части книги, появившейся только через десять лет после опубликования первых четырех частей (1801). Здесь он постарался осмыслить причины, приведшие Францию к таким событиям, рассмотреть проблему народ и революция, личность и революция.

В XIX в. русская литература дала нам великолепные образцы произведений в жанре путешествие: И. А. Гончаров «Фрегат “Паллада”»; К. М. Станюкевич «Из кругосветного плавания»; Ф. М. Достоевский «Зимние заметки о летних впечатлениях»; М. Е. Салтыков-Щедрин «За рубежом»; Н. С. Лесков «Русское общество в Париже»; В. П. Боткин «Письма об Испании»; А. И. Герцен «Письма из Avenue Marigny» и др. В одних превалирует художественное описание увиденного, в других — публицистическое. Но общее, что их объединяет — сравнение «своего» с «чужим». Это служит своеобразным подкреплением собственной позиции автора, его взглядов на положение дел в родном отечестве.

Жанр «путешествие» был широко распространен в Европе. Далекая Россия вызывала у европейцев не меньший интерес, чем экзотика Африки и Индии. В. О. Ключевский, заканчивая Московский университет, посвятил свою

выпускную работу анализу «Записок» иностранных путешественников о России XV–XVIII вв. [39]. Молодой ученый рассматривал их как своеобразные исторические документы, позволявшие изучать быт разных сословий, политическую и военную системы, управление, судопроизводство и другие стороны жизни Российского государства, которым в русских летописях не уделялось должного внимания. Считается, что первая основательная книга о России появилась на Западе на латинском языке в 1549 г. — «Записки о московских делах». Автор ее — австрийский посланник барон Герберштейн — знал несколько славянских диалектов, потому что в местности, где он родился (ныне Словения), немалый процент составляло славянское население. Это позволило ему в России быстро выучить русский язык, познакомиться с древнерусской литературой и летописями. Герберштейн скептически относился к тем запискам о Русском государстве, которые были написаны до него, считая, что там много искажений и небылиц. В обращении к читателю он говорит, что вынужден будет «разногласить» с сочинениями таких авторов. «А дабы мнение мое по этому вопросу не показалось кому-либо подозрительным или высокомерным, я заявляю, что... воочию видел и осмотрел Московию, и притом не раз, а два, исполняя обязанности посла». В общей сложности он провел в стране 14 месяцев. Автор сообщает, что в описании страны он увиденное собственными глазами сочетал со сведениями, полученными от разных людей, но «не довольствовался сообщениями одного или двух, а опирался на согласные свидетельства многих» [40]. Книга открывается описанием истории России, затем следует рассказ о ее географии, религии, обрядах, торговле, денежных единицах, политической жизни. Сочинение Герберштейна, переведенное на разные языки,

долгое время служило европейцам основным источником знакомства с Россией.

Особенно много книг о России появилось в Европе в XVIII–XIX вв. Порой такие описания были поверхностными, изобиловавшими стереотипами, устойчиво господствовавшими в Европе не одно столетие. Это хорошо показало русско-французское исследование, проведенное в 2012–2014 гг., когда Институт всеобщей истории РАН профинансировал проект «Образ России во французской прессе в период французской революции и наполеоновскую эпоху». В задачи исследования входило «изучение образа России в общественном сознании Франции переходного периода (1789–1814 гг.). Объект исследования — парижская, провинциальная и армейская пресса того времени. Осуществляли проект ученые России и Франции. Анализ показал, что за 25 лет образ России во французских изданиях несколько трансформировался, уходя от сложившихся стереотипов (варвары, деспотическое правление, ужасный климат). Но общее представление о восточном соседе как отсталом во всех отношениях, на которого французы смотрели свысока, осталось прежним. И это на фоне русской победы над Наполеоном и многочисленных личных контактов, особенно военных, когда русская армия вступила на территорию Франции [41]. Любопытно отметить, что англичане в этот период были невысокого мнения о французах. Франция оставалась для них «страной деревянных башмаков, черного хлеба и папистов» [42, с. 25].

Рассказы о России иногда сочинялись авторами, пробывшими в ней очень короткое время или вовсе не выезжавшими за пределы своей страны. Все факты они черпали из книг писателей, русских или иностранных, из справочников. По этому поводу журнал «Вестник Европы» писал

в 1829 г.: «Что за охота господам иностранцам ездить к нам в Россию как будто нарочно для того, чтобы ничего в ней не видевши, рассказывать после небылицы в лицах, частные случаи представлять в виде господствующих обычаев и причуды одного или двух человек приписывать всему высшему классу или даже всей нации» [43, с. 216].

Порой книги о России вызывали возмущение своей «необъективностью» не только у власти, но и широкой русской общественности. Так случилось с записками французского аристократа А. де Кюстина. У маркиза Астольфа де Кюстина (1790–1857) во время революционного террора были гильотинированы дед и отец. В Россию он поехал, чтобы убедиться в справедливости мнения легитимистов — ярых сторонников Бурбонов, что только абсолютная монархия может обеспечить стране благо и процветание. И пример тому — просвещенная Россия, образ которой сложился во Франции еще во времена Екатерины II. Три месяца путешествовал Кюстин по стране и, вернувшись во Францию, написал книгу «Россия в 1839 году», которая вышла в свет в мае 1843 г. В России она была сразу же запрещена к ввозу. Лишь в 1910 г. появилось сокращенное издание под названием «Записки о России французского путешественника маркиза де Кюстина». Под названием «Николаевская Россия» книга была напечатана также в сокращенном виде в 1930 и 1990 гг. Полное издание под оригинальным названием с комментариями появилось в 2007 г.

Пожалуй, ни одна книга, написанная прежде иностранцами о России, не вызывала такой бурной реакции в стране, причем разных слоев общества. Можно назвать еще одну книгу, вызвавшую большое негодование Екатерины II и ее окружения. Французский астроном аббат Шапп д'Отрош испросил высочайшего разрешения поехать в Тобольск,

чтобы наблюдать такое небесное явление, как прохождение Венеры через знак Солнца. Вернувшись во Францию, он в 1768 г. издал книгу «Relation d'un voyage en Sibérie» («Рассказ о путешествии по Сибири»), в которой показал все неприглядные стороны крепостничества в России. И вот еще один убийственный негатив о стране, сочиненный Кюстином. Его называли неблагодарным. Еще бы, ведь его так ласково встретил двор, он был желанным гостем в светских салонах, а потом наговорил столько нелицеприятного о России и ее людях. В книге рассказывалось о деспотизме власти, об убийстве Петра III и Павла I, о жестоких нравах, бессмысленных запретах. С этим определенная часть читателей соглашалась. Но Кюстин затронул и национальное самолюбие. Он утверждал, что русский человек — раб по природе и любит свое рабство, равнодушен к тем, кто терпит бедствие.

Кюстин предвидел отрицательную реакцию русских и в предисловии ко второму изданию (ноябрь 1843). пытался смягчить это впечатление: «... Поскольку многое в России восхищало меня, я не мог не выразить в своей книге этого восхищения. Русские останутся мною недовольны, но кому под силу удовлетворить запросы честолюбия?.. В массе своей русские показались мне грандиозными даже в отвратительнейших пороках... Но большинство моих предшественников обходилось с русскими как с балованными детьми. <...> эти жители Востока настолько привыкли курить и вдыхать фимиам, настолько привыкли верить лживым речам, какими они тешат друг друга, что обратят внимание лишь на хулу. Всякое неодобрение кажется им предательством, всякую жестокую истину они именуют ложью, они не разглядят в моих — по видимости критических — наблюдениях робкое восхищение, в моих строгих замечаниях — жалость и даже симпатию». Предисловие заканчивалось утвержде-

нием Кюстина, что он вернулся во Францию уже не монархистом, а сторонником представительного правления, считая его наименьшим из зол.

В Европе спрос на книгу Кюстина был чрезвычайно велик. При его жизни во Франции вышло шесть изданий, кроме того, вышло четыре контрафактных издания в Бельгии и переводы на английском и немецком языках. Предваряя второй выпуск книги, издатель пишет о молчании крупнейших французских газет и о том, что затем некоторые из газет выступили против Кюстина в защиту России. Об этом писал в своей книге французский ученый Шарль Корбе [44, с. 225]. После этого началась организованная русским правительством кампания «разоблачений» Кюстина. Сейчас по прошествии стольких лет, мы можем трезво оценить произведение французского автора. Во многом он был прав и одновременно во многом неправ. За три месяца путешествия он увидел лишь внешнюю сторону российской действительности и не сумел проникнуть вглубь тех процессов, которые происходили в стране, разбуженной петровскими реформами, оценить и описать характер русского народа, особенности его формирования. Чувствуется, что он был плохо знаком с историей России, слишком однолинейно проводил сравнение со своей страной, не учитывая множества факторов становления российской государственности. Сказывалось и незнание русского языка. Со многими фактами он не сталкивался сам, но ему поведали «другие люди», имен которых он не только не назвал, но даже не позволил себе «никаких намеков на их положение в обществе». Однако же, уверяет автор, он записывал рассказы не всех людей, а только тех, «чей характер и звание суть ручательство достоверности описанных фактов». Всегда ли такое опосредованное знание является истинным?

Расхождение разных авторов в оценке стран и народов — явление довольно распространенное. Если провести анализ «путешествий» разных авторов, их взглядов на одну и ту же страну, то можно заметить, что генеральной линией расхождений является концепт «свой» — «чужой», возникающий при столкновении разных культур, разных обычаев, укладов жизни, норм поведения. Чаще всего автор неосознанно, сравнивая две культуры, сильно отличающиеся друг от друга, не может абстрагироваться от «своего», дает «чужому» негативную оценку. На это указывал еще Белинский, критикуя некоторые русские «путешествия» в зарубежные страны: «Если вы въезжаете в чужую землю с целью изучить ее нравы и обычаи, вы должны забыть на время, что вы гражданин своей земли и сделаться совершенным космополитом: иначе вы ничего не поймете» [45, с. 59–60]. Также актуальными в наше время являются слова В. О. Ключевского о причинах негативного восприятия России некоторыми иностранцами: «Беглые наблюдения, сделанные в короткое время, не могут уловить наиболее характеристических черт нравственной жизни народа; для оценки ее путешественник мог иметь перед собой только отдельные, случайно попавшиеся ему на глаза явления, а нравственная жизнь народа всего менее может быть определена по отдельным, случайным фактам и явлениям». Ключевский отмечал также, что порой западноевропейский путешественник встречался в России с фактами странными, «слишком несходными с основными его понятиями и привычками», поэтому не мог взглянуть на них не со своей личной точки зрения, а «со стороны тех исторических условий, под влиянием которых слагался этот быт и характер» [39].

Распространенной причиной разного восприятия зарубежных стран и их народов является также давле-

ние предрассудков, сложившихся стереотипов, которые нередко передаются из поколения в поколение. Этностереотип — вид социального стереотипа формируется также под влиянием книг, прессы, общественного мнения и негативного отношения к стране, которое экстраполируется на ее население. Об этом говорят отечественные исследователи Е. В. Арутюнян, А. К. Байбурин, А. В. Павловская, Ю. Е. Прохорова и др. Именно так произошло с Россией, негативный образ которой сложился в Европе под влиянием реакционного католицизма, наполеоновской пропаганды и опасения некоторых европейских стран, особенно Англии, что Россия после победы над Наполеоном претендует на лидерство в Европе.

Играют свою роль также индивидуальные характеристики автора, его пристрастия, вкусы, политические взгляды. Добавим сюда незнание истории посещаемой страны, ее особенностей, что влечет за собой поверхностность восприятия. Важным фактором является также краткосрочность пребывания в стране, когда всякое случайное явление воспринимается как обычное, закономерное. Нужно сказать и о влиянии на авторскую позицию ожиданий аудитории. Если аудитория ожидает сенсаций, то автор неосознанно будет заострять внимание на казусах, странных случаях, скандальных историях. Вдумчивый автор-путешественник больше интересуется теми сторонами жизни в чужой стране, которые можно было бы внедрить в своем отечестве. Это происходит тогда, когда он под влиянием увиденного по-новому осмысливает историю России, ее судьбу.

Английская исследовательница Сьюзан Басснет одну из глав своей книги «Сравнительное литературоведение: введение в критику» посвятила анализу английской литера-

туры XVI–XX вв. о путешествиях. «Важно изучить причины, — пишет она, — по которым создаются совершенно различные образы одной и той же страны в освещении разных авторов, или, наоборот, намечается единообразный стереотипный подход к восприятию определенной страны... Выяснение причин такого рода расхождений — одно из самых плодотворных направлений, обозначившихся в компаративистике» [16, р. 94].

Любопытно сравнить книги трех знаменитых французов, побывавших в России в XIX веке: писателей А. Дюма-отца, Теофиля Готье и композитора Гектора Берлиоза. Дюма еженедельно посылал в Париж в свой журнал «Монте-Кристо» путевые заметки, а затем в 1865 г. издал их отдельно. Написали свои путевые записки и оба его соотечественника [46].

Авторы путешествий отмечают гостеприимство русских, смелость, спокойствие и даже замкнутость, склонность к суеверию, любовь к быстрой езде, добросердечие, чуткость, расточительность. Но замкнутость и молчаливость русских Дюма объяснял жизнью в условиях тирании, («не привычка ли к рабству заставила тебя молчать?» (Дюма, т. 1, с. 288), а Т. Готье — особенностями холодного климата (Готье, с. 115). Готье побывал в России два раза (в 1858–1859 и в 1861 гг.). Он также посылал в парижские журналы свои путевые очерки, которые затем издал отдельной книгой. Берлиоз с удивлением писал об организованности русских, о четкости исполнения заданий, особенно когда дело касалось театральных постановок (Берлиоз, с. 576), о системе музыкального образования, о музыкальных направлениях. Книги этих авторов во многом сформировали представления французов о русском национальном характере.

2.2. Перевод в структуре компаративных исследований

История перевода уходит в глубокую древность. Исследователи говорят об изображении переводчика на египетском барельефе III тысячелетия до н.э. Установление контактов, взаимопонимания с другими народами невозможно без перевода. Этот процесс представляет собой не только взаимодействие двух языков, двух культур, но и двух (а иногда и трех, если перевод осуществляется с языка-посредника) литератур. У перевода многоплановая роль. С одной стороны, это средство связи между культурами и литературами (коммуникативная функция). С другой, он способствует развитию языка принимающей стороны (языковедческая, лексикографическая функции), поскольку «переводчики позволяют единицам исходного языка внедряться в язык перевода, изменяя его лексический состав и грамматический строй» [47]. А переведенная литература может явиться мощным фактором становления национальной литературы. Кроме того, по мнению Н.Г. Чернышевского, «переводная литература у каждого из новых европейских народов имела очень важное участие в развитии народного самосознания ... или в развитии просвещения и эстетического вкуса» [48, с. 503]. То есть у перевода есть еще одна важная функция — развитие общественной мысли, формирование общественного сознания принимающей стороны. В сопоставительном плане перевод может быть сопоставлен с оригиналом как типологически сходное явление и в то же время отличающееся от него литературными традициями, изобразительно-выразительными средствами, особенностями читательского восприятия, в процессе которого происходит взаимообогащение, усвоение новых

форм отражения жизни, обмен духовными ценностями. Продуктивным является сопоставление разных переводов одного и того же произведения, исследование причин этой «разности», в частности влияния национальных и интернациональных факторов, а также рассмотрение деятельности отдельного переводчика (приемы, способы передачи авторского замысла, поиск грамматических эквивалентов авторского языка и т. п.).

Таким образом, перевод — это не только область лингвистических, литературоведческих, но и культурологических, и социальных исследований. По мнению словацкого ученого Д. Дюришина, «сколько-нибудь основательная систематическая работа сравнительного характера включает в себя и рассмотрение перевода, хотя нередко довольно упрощенное и прямолинейное. Подобные упрощения по большей части вызываются как отсутствием единства взглядов на вопросы конкретной методики разбора, так и в не меньшей мере дискусионностью, разноплановостью включения перевода в систему теории литературной компаративистики, определение его места в иерархии межлитературных связей» [49, с. 126]. Отечественные ученые также считают перевод составной частью сравнительных исследований (Н. И. Конрад «Запад и Восток» (1972, с. 321); В. И. Кулешов «Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке» (1977, с. 9) и др.).

До начала книгопечатания перевод иностранных произведений на Руси существовал в рукописной форме. Активизация такого вида деятельности началась с усилением контактов Руси с Византией, особенно после принятия христианства. В этот период потребовались богослужебные, а также другие книги религиозного содержания: произведения отцов церкви (патристика), жития святых, рассказы о

людях, пострадавших за веру и т. п. Наряду с этим переводилась и светская литература: историческая, воинская, нравоучительная. С развитием книгопечатания на Руси (XVI в.) появилась возможность тиражировать произведения, более точно передавать содержание. Во времена петровских реформ особенно вырос спрос на литературу научную, техническую и учебную. По одним данным, художественные тексты в этот период составляли 10% всех переведенных книг, по другим — всего 4%. Переводами занимались по поручению царя сотрудники Посольского приказа. Сначала книги для России печатались в Голландии, а с 1700 г. — в Москве. Один из русских либералов, историк и политический деятель П. Н. Милюков (1859–1943) приводит статистику переведенных иностранных книг в России XVI–XVII вв.: 1550–1559 гг. — 16, 1560–1649 гг. — 24, 1650–1699 гг. — 94 Автор оговаривается, что это неполная, «но все же поучительная статистика» [50, с. 111]. Статистика, действительно, неполная. Некоторые авторы утверждают, что при Петре I было переведено более 600 иностранных книг. Одним из первых исследователей, капитально проанализировавших литературный процесс того времени, был П. П. Пекарский, издавший двухтомный труд «Наука и литература в России при Петре Великом» (1862). Во втором томе было представлено описание славяно-русских книг и типографий 1698–1725 годов. Там содержатся сведения не только об отечественной, но и о переводной литературе того периода.

С середины XVII в. в России распространяется традиция составления обзоров иностранной прессы, предназначавшихся для царя и его окружения. Эти обзоры, называемые *Курантами*, готовились в Посольском приказе. Их задачей было сообщать о политической ситуации в Европе. В XVIII в. обзоры стали содержать и другие сведения, опу-

бликованные в иностранной периодике. Особое внимание уделялось в них статьям о России. Если статьи были негативного характера, то принимались меры к их опровержению [51]. Первая печатная газета «Ведомости» продолжила традицию обзоров иностранной прессы.

С развитием в России журналистики европейского типа в журналах, как правило, стали открываться отделы критики и художественной литературы. Художественные произведения, в том числе и переводные, стали регулярно появляться на их страницах. Это, по словам А. И. Герцена, давало возможность «жителям Омской и Тобольской губернии читать романы Диккенса или Жорж Санд спустя два месяца после появления их в Лондоне или Париже» [29, с. 57]. А иногда случалось и так, что российский читатель знакомился с иностранным произведением раньше, чем оно было напечатано у себя на родине. Это порой приводило к конфликтам. Так, издатели петербургского журнала на французском языке «Revue étrangère», связавшись с парижскими коллегами, купили у них верстку первой части нового романа Бальзака «Лилии в Париже» и опубликовали ее. Писатель подал на них в суд и выиграл дело [52, с. 401].

Естественно, что прочитав иностранное произведение раньше, чем оно будет опубликовано на родине, можно только в том случае, когда оно распространяется на языке оригинала, которым владеют читатели. Это один из путей проникновения иностранных художественных произведений в культуру другой страны. Кроме этого, как указывал Н. И. Конрад, есть еще два пути: собственно перевод и заимствование писателем сюжета, мотивов у иностранного автора [53]. Французский язык был в России, по сути, вторым родным языком верхних слоев общества, его хорошо знала образованная интеллигенция [54]. Он служил не только

средством общения, но и средством развития и обогащения русского литературного языка. Анализируя переводы, сделанные Пушкиным с французского, Б. В. Томашевский отмечал, что у поэта «цели перевода... ведут не столько к передаче, подлинника, сколько к обогащению языка, на который делается перевод» [55, с. 11].

Пушкина по праву считают родоначальником русского литературного языка. Он переводил на русский произведения французских, английских, итальянских, немецких, античных авторов, поэмы А. Мицкевича. Но особую роль в развитии литературного языка сыграли его переводы с французского. «Основной формой обогащения языка русской прозы за счет французского для Пушкина был перевод, поиск эквивалентных форм в родном языке иногда путем развития значений русских слов. Нередко, найдя эквивалент, который казался ему наиболее подходящим, но все же, сомневаясь в его точности, Пушкин добавлял в скобках французское слово или выражение. Так в обиход письменной речи вводились многие русские слова и словосочетания, значения которых требовалось уточнить с помощью хорошо знакомых французских слов» [56, с. 138]. Поэт заботился о развитии не только литературного, но и русского научного языка, потому что «ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись» [57, с. 31].

Ту же роль языка-посредника выполнял французский и во всей Европе, поскольку Франция, особенно в эпоху Просвещения, стала своего рода культурным центром Европы, а знание французского указывало на принадлежность к культурной элите общества. Французский стал языком не только культурного, но и политического, и научного общения. Вольтер называл его языком не только Европы, но даже всего человечества [58, р. 67]. Русские чита-

тели впервые получили сведения об Испании из переводов с французского путевых записок писателей Пьера Огюста Бомарше и Теофиля Готье. Знаменитый роман Сервантеса «Дон Кихот» был переведен на русский язык с французского в 1769 г. Испанцы также знакомились с русской литературой по французским переводам [59]. Таким же образом знакомились в России с итальянской литературой, а итальянцы — с русской. Так, первое обстоятельное знакомство итальянцев с Пушкиным произошло в 1841 г., когда в Пизе вышел сборник «Четыре лучших поэмы Александра Пушкина», переведенные с французского. О новинках русской литературы итальянцы узнавали из французских журналов «Revue des Deux Mondes» и «Revue encyclopedique». Об этом говорил критик и литературовед Карло Тенка (1816–1883), познакомивший итальянцев со «Словом о полку Игореве», с писателями допушкинской эпохи — Ломоносовым, Сумароковым, Херасковым также по французским переводам [60, с. 32–33, 79].

В 1827 г. Н. Погодин возмутился в «Московском вестнике», что даже с Шекспиром русские знакомятся по переводам с французского или с немецкого [61, с. 217]. Однако, начиная с 20-х гг. XIX в., английский язык в России постепенно стал входить в моду, росло увлечение английской культурой и литературой, в разных городах возникали «английские библиотеки для чтения», быть англоманами для молодых дворян означало быть передовыми людьми своего времени [62, с. 53]. Теперь уже английский становится языком-посредником, и не только для российского читателя, но и для других народов Европы. Так, Гете говорил, что с русской литературой он познакомился через «Российскую антологию», составленную английским дипломатом и путешественником Джоном Баурингом (1792–1872) и изданную

в 1821 г. в Лондоне. Наряду с английским потеснил «французов» и немецкий язык, который обогатил русскую лексику терминами и оборотами из разных областей социальных наук, экономики и техники, тем самым способствуя их развитию. Количество научных переводов всегда служило мериллом интеллектуального развития страны.

Одной из главных проблем перевода является эквивалентность содержания, перенесенного с исходного языка на язык принимающей стороны. Порой переводчики не могли устоять перед искушением «улучшить», «подправить» текст, иногда в противовес замыслу автора оригинала. Отсюда — искажение смысла исходного произведения. Основными причинами такого искажения считаются: 1) подгонка под культуру, особенности национального характера; 2) стремление угодить публике (например, чувствительные дамы не могли принять трагической развязки событий, особенно если речь шла о влюбленных; 3) желание потакать нетребовательным вкусам читателей, падких на сенсации и «клубничку».

Известный румынский компаративист А. Дима говорит и о других причинах: неглубокое знание соответствующих языков, недопонимание их грамматических особенностей, а чаще всего и внутренней сущности, влияние философской позиции авторов переводов [30, с. 135–136]. Особенно распространено это было среди французских переводчиков, когда они считали, что публика будет недовольна какими-то сценами, концовкой или развитием отношений героев. Поэтому неудобные сцены выбрасывались или переписывались. Это началось еще в XVII в. при переводе зарубежных классических произведений; в XVIII в. такая практика стала применяться и по отношению к произведениям европейских современников. Об этом Пушкин писал с иро-

нией: «Долгое время французы пренебрегали словестностию своих соседей. Уверенные в своем превосходстве над всем человечеством, они ценили славных писателей иностранных относительно меры, как отдалились они от французских привычек и правил, установленных французскими критиками. В переводных книгах, изданных в прошлом столетии, нельзя прочесть ни одного предисловия, где бы не находилась неизбежная фраза: мы думали угодить публике, а с тем вместе оказать услугу и нашему автору, исключив из его книги места, которые могли бы оскорбить образованный вкус французского читателя» [57, с. 487].

Традиция подгонять переводы под культуру принимающей стороны существовала и в других странах. Перевод на японский язык романа Л. Н. Толстого «Воскресение» заканчивался счастливым браком Катюши Масловой с князем Нехлюдовым. Объясняется это тем, что в Японии подобный сюжет весьма распространен. Девушку из бедной семьи родители из-за нужды продают в публичный дом. Там она встречает состоятельного человека, который влюбляется в нее и предлагает выйти за него замуж. Японская девушка всегда соглашалась на брак. Ведь для нее это счастливый случай вырваться из той обстановки, в которой она оказалась. Японцам трудно было понять, почему Катюша отказала князю и в чем трагизм ее судьбы [63, с. 162–163].

Подобные явления наблюдались и в России, где в конце XVIII — начале XIX в. у переводчиков при работе над иностранным текстом даже существовал принцип «склонение на наши нравы». Так Г. Державин, переводя стихи Горация «*Beatus ille qui rocul negotiis*» (он озаглавил их «Похвала сельской жизни»), представляет читателю обстановку российской сельской жизни с ее атрибутами («горшок горячих добрых щей», «празднование Петрова дня» и пр.). Исследо-

ватели отмечают, что некоторые переводы западных авторов, сделанные И. А. Крыловым, «настолько русифицированы, <...> что воспринимаются как «исконно русские» произведения» [64, с. 41].

Общеизвестно, что если «пословно» перевести текст с исходного языка на другой, то это совсем не гарантирует тождественность содержания. Новому адресату там многое будет непонятно: разная культура, традиции, восприятие действительности и даже разный грамматический строй языка. Чтобы передать замысел автора, идейно-эстетическую ценность оригинала, переводчик должен владеть не только тонкостями родного языка и языка оригинала, но и быть погруженным в обстановку другой культуры, другого менталитета. И в то же время нельзя абсолютизировать это положение. Как указывают исследователи творчества Ю. М. Лотмана, в его работах «выстроена теоретическая модель взаимодействия литератур: текст-двойник, возникающий в процессе перевода, «никогда не становится в пространстве воспринимающей культуры «своим» до конца и полностью, он должен оставаться отчасти и чужим. Только благодаря этому он служит импульсом для развития воспринявшей культуры — в качестве образца для подражания, союзника, способствующего оформлению зреющих в ее недрах тенденций, объекта критики, нужного для того, чтобы она могла по контрасту осознать свою специфику. Новые тексты, создаваемые с ориентацией на этого «своего-чужого», могут затем ретранслироваться в исходную культуру, которая воспринимает их, снова трансформируя как долгожданное и внутренне необходимое ей «новое слово» [65].

Издатели некоторых русских журналов в XIX в. также вольно относились к переводам: изменяли концовку,

дописывали. Особенно «грешила» этим «Библиотека для чтения» Осипа Сенковского, ориентировавшаяся, по замечанию В. Белинского, на вкусы провинциального читателя, потому что «провинция любит счастливые окончания в романах и повестях». И «Библиотека» «смело приделывает к «Старику Горию» пошлое счастливое окончание, делая Растиньяка миллионером» [66, с. 34]. Как отмечает Белинский, провинциализм «Библиотеки для чтения» сказывался и в выборе произведений для переводов. Это часто была невысокого уровня французская, иногда английская литература, «чуждая всякой изящности, что отзывается пустотою, посредственностью, мелочностью» [там же, с. 32].

Таким образом, важным моментом исследований в сравнительном литературоведении и в медиакомпаративистике является выбор произведений для перевода. Передовые журналы России даже в условиях жесткой цензуры выбирали для публикации те произведения западных авторов, в которых поднимались наиболее значимые для отечества проблемы. Несмотря на то, что речь в них шла о других государствах, читатели, приученные к эзопову языку, без труда улавливали связь с проблемами своей страны. Борьба за независимость в Италии — восстание в Польше, ограничение власти восточных шейхов — ограничение самодержавия в России, положение крестьян в Западной Европе — борьба за отмену крепостничества, реформа образования во Франции — состояние просвещения в России и т.п. Острые дискуссии велись в отечественных журналах XIX в. по вопросам государственного устройства, происхождения и легитимности власти, а также применим ли опыт Европы для России. Таким образом, переводы из французских, английских, немецких общественно-политических журналов способствовали развитию общественной мысли России.

Настоящий бум переводческой деятельности наблюдался в России после распада СССР. Переводилось многое из того, что раньше было невозможно в силу идеологических причин. Однако в 1991–1992 гг. в три раза, по сравнению с предыдущим десятилетием, выросло количество переводов по социальным наукам в такой стране, как Франция, хотя ее трудно было упрекнуть в цензурном давлении. Причину такого подъема сами французы объясняли интеллектуальным прозрением страны, которая долгое время, по их собственному мнению, «находилась в состоянии невежества и заносчивости», у которой отсутствовал интерес ко всему, что происходило вне ее пределов. Известный французский антрополог Даниэль Шпербер, выражая общее мнение своих коллег по ученому миру, говорил о предельной замкнутости французской науки и культуры, продолжавшейся вплоть до 1980 г.: «Это модель, согласно которой всё главное происходит во Франции. Все ключевые фигуры — французы: Дюркгейм, Фуко, Деррида, и нам не нужны ни американцы, ни итальянцы, ни русские... Даже Выготский не был переведен на французский — я его читал по-английски» [67, с. 9]. Отставание было не только в переводах научной, но даже художественной литературы. «Франция читала только своих великих» [там же]. В последнее десятилетие XX века Франция стала активно наверстывать упущенное. В этот период только по гуманитарным наукам было опубликовано более 8000 переведенных книг, изданных в Соединенных Штатах Америки и европейских странах. Была даже принята специальная «Программа преодоления отставания в переводах с немецкого языка». Редактор журнала «L'Esprit», философ и историк, Оливье Монжен призвал научную общественность страны «перевести всё, что есть лучшего в мире, в Москве и в Петербурге» [там же, с. 10].

В связи с тем, что после Второй мировой войны в разных странах резко возросло количество переводов, появилась необходимость теоретически осмыслить этот вид литературной деятельности и выработать практические приемы для ее успешного осуществления. Американский ученый Джеймс Холмс в 1970-е гг. ввел в оборот термин переводоведение (translation studies), обозначив тем самым рождение новой науки. Этот предмет теперь включен в университетские программы, по этой теме пишутся учебники, выпускаются монографии, проводятся международные конференции. В 1980-х гг. Сьюзен Басснетт (Великобритания) и Андре Лефевр (Бельгия) предложили новый подход к изучению перевода — культурологический. По их мнению, нужно переводить культуру, а не язык. Их не устраивал лингвистический подход к переводу, потому что «для литературоведения характерно негативное суждение о переводе как обязательно «неверном», всегда уступающим оригиналу», а статус переводчиков ниже статуса «оригинальных авторов». И далее вывод: «... Переводчик имеет естественное право не зависеть от оригинала и изменять его» [68, с. 34–35]. По С. Басснетт, переводчик должен быть наделен статусом «тоже писатель», и он может, исходя из идеологических установок или «референтной субкультуры» своего времени, «подправлять» текст, становясь таким образом не переводчиком (translator), а соавтором (rewriter) произведения.

Никто не отрицает необходимость передачи культурного контекста произведения, как и огромный элемент творчества в переводческой деятельности. Безусловно, переводчик не технический работник, но это разные виды творчества, где первичным все-таки является исходный текст. Хотя переводчик, по мнению С. Басснетт, имеет право на «вольность»,

нужно понимать, что суть этой «вольности» не в переделке содержания, не в подгонке под восприятие среднестатистического читателя принимающей стороны, а в точной передаче содержания и замысла автора исходного текста. [69, с. 56–63].

Несостоятельным представляется и обвинение лингвистической теории перевода в том, что она игнорирует культурную составляющую исходного текста. Однако нельзя целиком отрицать стремление С. Басснетт, А. Лефевра и солидарных с ними ученых из разных стран Европы найти новый подход к рассмотрению перевода, который дал бы толчок развитию исследовательской мысли и имел практический выход. Интересным является предложение С. Басснетт рассматривать в теоретическом плане такие темы, как перевод и цензура, перевод и политический дискурс, самоперевод, «когда автор сам переводит на другой язык свое произведение, псевдоперевод, когда автор называет свой текст переводом, хотя на самом деле это не перевод», деятельность переводоведов-феминисток, когда «женское начало в переводном тексте выходит на первый план» [68, с. 39]; и допустимо ли, вообще, гендерное деление в переводоведении? Темы перевод и цензура, перевод и политический дискурс особенно злободневны при рассмотрении переводов в журналистике. Большой проблемой современных СМИ является также *рерайт*. С одной стороны, он помогает заполнить контент, когда не хватает собственных сил. А с другой, не стал ли он средством узаконенного воровства чужих тем и идей, даже если вместо откровенного плагиата журналисты прибегают к *адаптированному рерайту*? То есть обрамляют факт, который нашли в интернете, подробностями, выясненными по телефону, дополняют собственными рассуждениями. Эта форма подачи материалов в разных СМИ также может быть предметом сравнительного исследования.

2.3. Заимствование и подражание

Этот этап в российской компаративистике отмечен противостоянием двух направлений — западников и славянофилов. Ревнители старины выступали против распространения иностранных нравов, иностранного опыта. Россия столкнулась с этим уже во времена Петра I. Молодой царь вознамерился ввести Россию в лоно европейских государств быстро и незамедлительно, ломая вековые традиции, устои, порой даже мораль, что вызывало большое противодействие в стране. У западников и славянофилов в XIX веке были свои органы печати, которые вели друг с другом яростную полемику. Этот период широко представлен в отечественной историографии. Западники считали, что заимствование и подражание — естественный процесс, характерный для всех народов, способствующий прогрессу принимающей стороны, которая, сохраняя свою идентичность, усваивает чужой опыт, развивает его и двигается вперед. Чужой опыт, насильственно насаждаемый в стране, не закрепляется. Должны созреть условия, когда возникает потребность в его использовании. Один из видных общественных деятелей дореволюционной России Б. Н. Чичерин считал, что нужно разделять заимствование и подражание. Подражание, по его мнению, — это копирование, а заимствование — усвоение чужого опыта «с добавлением в него элементов национального, с усовершенствованием и развитием» [70, с. 368]. В то же время эти понятия тесно связаны между собой. Заимствование начинается с подражания. Затем принимающая сторона приспособливает его к собственным историческим нуждам, к особенностям своего бытия [71, с. 796–797].

И подражание, и заимствование основываются на феномене влияния. А. Дима в своей книге «Принципы сравнительного литературоведения» особо подчеркивал его роль в литературных связях, считая, что сложный процесс заимствования невозможно изучить без детального анализа влияний. А это до сих пор сделано недостаточно полно [30, с. 13]. Ученый предложил классификацию критериев влияний. Прежде всего, это масштаб влияния. Переводчик употребил слово «объем». На наш взгляд, слово масштаб более точно передает мысль автора. Влияния бывают индивидуальные и коллективные. К первым относится, например, воздействие одного писателя на другого. «Более сложный тип представляют влияния, носящие исключительно коллективную форму, например воздействие идей Французской революции на итальянскую литературу» [там же, с. 138]. Другой критерий влияния — это учет всех параметров содержания, «передаваемого от литературы к литературе» (тематика, идеи, чувства, литературные роды и виды, композиция произведений, лингвистические и стилистические структуры). Третий критерий влияния А. Дима определяет как «воздействие крупных литературных фигур на то или иное течение или период развития другой литературы (Вольтер, Руссо, Гете, Шиллер, Байрон, Гюго и др.)». Автор подчеркивает, что это влияние не только литературного творчества, но и «всей духовной жизни писателя, идеологических и политических его воззрений, философских концепций, форм гуманизма [там же, с. 139]. В качестве примера он приводит французского философа Вольтера, являвшегося мерилом достижений всего XVIII века и в научном, и в литературном плане.

А. Дима предостерегает от некоторых методологических просчетов при анализе влияний. Во-первых, нельзя сводить к минимуму значение влияний, и в то же время

нельзя преувеличивать их роль. Во-вторых, влияния нужно рассматривать в тесной взаимосвязи с общественной жизнью, потому что простое филологическое сопоставление текстов, подсчет совпадений и прочих внешних сходжений еще не дает возможности вывить влияния. В-третьих, невозможно изучение влияний «без соотнесения с национальными явлениями» [там же, с. 145]. В целом, оценивая роль влияний, ученый говорит, что они «выступают в качестве импульсов, благодаря которым пробуждаются дарования и заложенные в них возможности становятся реальностью» [там же, с. 142].

Всякое влияние и заимствование обусловлено контактами народов и государств. Проблеме литературных связей ученые всего мира уделили немалое внимание. Традиционно связи разделяют на два вида: контактные и типологические. Контактные связи подразделяют на внешние (личное знакомство, регулярные встречи, беседы, переписка) и внутренние, оказывающие непосредственное влияние на творчество (переводы, подражания, трансформация произведений-источников, заимствование форм, стилей, жанров и др.) Типологические связи чаще называют типологическими схождениями, когда самостоятельно возникают сходные литературные аналогии, соответствия у разных народов, стоящих на одинаковых ступенях общественного развития. К ним нужно отнести сходные сюжеты, образы, идеи, а также литературные формы, жанры, специфические особенности поэтического стиля, то есть всю совокупность системы средств художественного выражения. Говоря о типологических схождениях, В. М. Жирмунский в то же время подчеркивал, что, нельзя полностью исключить литературные взаимодействия и взаимовлияния: «История человеческого общества фактически не знает примеров абсолютно

изолированного социального и культурного (а следовательно, и литературного) развития при отсутствии взаимодействия между отдельными его участками. Чем культурнее народ, тем интенсивнее его связи и взаимодействия с другими народами» [13, с. 180].

Жирмунский говорил, что при условии неравномерности единого социально-исторического процесса, но общих тенденций развития, некоторые страны «не всегда проделывают самостоятельно тот этап пути, который уже пройден странами более передовыми» [13, с. 181]. История нам показала, что, заимствуя достижения культуры, литературы, техники и т. д., страна принимающая может догнать страну-донора и быть вровень с ней. Итак, типологические схождения, будучи результатом общих фаз развития разных стран, в то же время, по Жирмунскому, не исключают контактов между ними, а следовательно, и прямых заимствований. Исходя из всего сказанного, осмелимся утверждать, что термин типологические связи более широкий, он включает в себя и типологические схождения, и прямые заимствования, хотя, разумеется, менее явные. Поэтому, на наш взгляд, он более предпочтителен в изучении проблем взаимоотношений и взаимовлияний литературы разных народов.

С точки зрения методологии исследования, В. М. Жирмунский считал, что, рассматривая вопросы международных литературных связей, нужно прежде всего руководствоваться следующими соображениями: во-первых, учитывать, что «влияние не есть случайный, механический толчок извне, не эмпирический факт индивидуальной биографии писателя.., не результат случайного знакомства с новой книжкой или увлечения литературной модой...». Всякое влияние закономерно и социально обусловлено. «Эта обусловленность определяется внутренней законо-

мерностью предшествующего национального развития, общественного и литературного». Иными словами, должны существовать внутренние предпосылки усвоения заимствованного, которые Ал-др Веселовский назвал встречным течением. Во-вторых, «всякое литературное влияние связано с социальной трансформацией заимствуемого образа, под которой мы понимаем его творческую переработку и приспособление к тем общественным условиям, которые являются предпосылкой взаимодействия, к особенностям национальной жизни и национального характера на данном этапе общественного развития, к национальной литературной традиции, а также к идейному и художественному своеобразию творческой индивидуальности заимствующего писателя». И, в-третьих, учитывая вышеперечисленное, можно наметить путь для сравнения творчества писателя «с литературной традицией, национальной и международной, с влиявшими на него предшественниками и современниками в целях установления исторически обусловленного сходства и различия между ними. Именно с помощью подобных сопоставлений познается творческая самостоятельность писателя и его место в общем развитии литературы национальной и мировой» [там же, с. 185].

ЧАСТЬ 3

Движение жанров в европейской прессе

Говоря о заимствовании и подражании, интересно проследить в сопоставительном плане движение в Европе газетно-журнальных жанров. Родоначальница всех жанров — заметка — не претендовала на стилистические изыски. Ее задача была проста — сообщить о событии. Со временем сообщение о факте дополнялось подробностями, позже — личным отношением автора к сообщаемому, его комментариями. Здесь вряд ли можно говорить о каком-либо заимствовании или подражании. Общественно-историческая обстановка в странах Западной Европы была сходной: ломка феодальной обособленности, увеличение контактов между государствами, развитие торговли. И как следствие — общественный запрос на информацию самого разнообразного характера.

3.1. Памфлет и его разновидности

Если один автор не соглашался с мнением другого, то они начинали полемику, устную или письменную. Жанр диалога политических противников известен еще со времен античности. Но востребованность его наиболее остро проявилась в английской журналистике XVII века в связи с яростной борьбой между сторонниками короля Карла I и сторонниками парламента. Период с января по август 1642 г. в истории английской журналистики называют «памфлетной войной». Каждая группа в отдельно напечатанных, сброшю-

рованных или несброшюрованных, листках (позднее памфлет уменьшился в объеме и стал публиковаться в еженедельных изданиях), клеймила оппонентов, опровергала их претензии, рассуждала о сущности власти короля и парламента. Активно участвовал в этой полемике и сам Карл I. В накале борьбы, яростных споров, непримиримых взглядов жанр диалога трансформировался в памфлет — материал острой политической направленности, где порой превалировали не доказательства, не факты, а эмоции, страсти, умение обыгрывать недостатки противника, высмеивать его. После казни короля «памфлетная война» продолжалась, но теперь уже между победившим парламентом и оппозиционными кругами, недовольными результатами буржуазной революции [72].

В 1660 г., после реставрации Стюардов в Англии, возникли две ведущие партии: тори, защищавшие абсолютную монархию, и виги, боровшиеся за парламентские свободы. Основным средством борьбы между ними по-прежнему оставались памфлеты. Умение словом уничтожить противника ценилось необычайно высоко, поскольку главный жанрообразующий признак памфлета — полемичность. Поэтому к их написанию привлекались лучшие публицисты и писатели того времени, например, Д. Дефо, Дж. Свифт.

В памфлете обличение может быть прямым (открытым) или завуалированным (косвенным). При прямом автор открыто излагает свою политическую позицию, для обличения оппонентов использует все изобразительно-выразительные средства языка (гротеск, буффонада, сарказм). Его цель — вызвать омерзение и даже ненависть к объекту изображения. Особенности памфлета с косвенным обличением — «парадоксальное развитие сатирической мысли». Это может быть достигнуто в том числе с помощью использования литературной маски. Жанр под названием

«маска» возник в Европе XV–XVI вв. как драматическое произведение с музыкой, пением, танцами. В основе его лежали фольклорные или античные сюжеты. Реальный облик персонажей в этих драмах скрывался с помощью переодевания, изменения поведения и речи. Со временем в литературе выделился жанр, где личность автора пряталась за маской другого человека, как правило, простоватого, недалекого, порой просто глупца. Сочинялась биография этого человека, подчеркивались особенности его характера, внешнего облика. Маска позволяла автору обличать своих противников не прямо, а завуалированно, изрекая похвалу за поступки, которые на самом деле являлись неблагоприятными, цитируя и восхищаясь банальными высказываниями, нелепыми суждениями. Использование памфлетистами маски усиливало сатирическую направленность жанра. К тому же автор мог не опасаться за последствия своей завуалированной критики в адрес известных людей. Формально он не нарушил никаких законов.

Памфлеты-маски публиковались и в других странах Европы. Во Франции в XIX в. были широко известны сатирические материалы за подписью простоватого обывателя Жозефа Прюдхома, который описывал «драматические сцены» из жизни представителей третьего сословия. Автором их был французский публицист Анри Моннье. В 1830 г. вышла в свет его книга, в которой он «собрал» опусы Прюдхома [73]. Не исключено, что с маской Прюдхома был знаком А. С. Пушкин, который следил за европейской литературой. В 1831 г. в журнале «Телескоп» появился за подписью Феофилакт Косичкин его памфлет «Торжество дружбы или оправданный Александр Анфимович Орлов». Простодушный Косичкин, возмущенный нападками на третьестепенного литератора Орлова, вступился за его честь. Расхвали-

вая Орлова, он постоянно сравнивал его с Фаддеем Булгариным, редактором «Северной пчелы» и довольно известным в то время писателем, подчеркивая равновеликость двух авторов. Можно представить негодование Булгарина, оскорбленного таким сравнением. В отечественной литературе это произведение Пушкина называют фельетоном. Но точнее будет назвать его памфлетом за убийственный сарказм. После Пушкина прием маски стал широко использоваться в русской литературе. Наиболее известна маска Козьмы Пруткова, созданная в 50–60-е гг. XIX века поэтом А. К. Толстым и братьями Жемчужниковыми — Алексеем, Владимиром и Александром.

Поскольку цель памфлета — полная дискредитация политического курса власти или отдельных сторон ее деятельности, крупных политиков и других известных людей, которых в фельетоне можно просто высмеять, а в памфлете — уничтожить, то его нельзя назвать частым гостем газетных и журнальных страниц. Памфлет бывает особенно востребован в переломные моменты жизни общества, во время потрясений, войн, смены общественных формаций. Его иногда называют оружием революции. Злободневность, полемичность, тенденциозность — его неперемменные составляющие. В отечественной журналистике после Октября 1917 г. можно выделить ряд периодов, когда памфлет становится постоянным газетным жанром с несколькими постоянными темами. В гражданскую войну темы памфлетов — разоблачение царской власти, дискредитация белого движения, обличение международной буржуазии. В это время рождается новая форма памфлета — в стихах (Д. Бедный, В. Маяковский). Следующий период — конец 1920–1930-е гг. Основная тема памфлетов — разоблачение фашизма. В 1931 г., после того как король Испании Альфонс XIII был отвергнут на-

родом, потерял власть и эмигрировал, страна провозгласила себя республикой. Против республиканского правительства выступили военные путчисты во главе с генералом Франко. Их поддержали фашистские режимы Германии и Италии. В этой войне на стороне республиканцев сражались тысячи добровольцев из 54 стран мира, в том числе из СССР. Военные действия в отечественной прессе освещал Михаил Кольцов, памфлеты и репортажи которого вошли в золотой фонд нашей журналистики. Разоблачению фашизма в предвоенные годы посвятили свое творчество многие советские публицисты, писавшие о диктатуре Франко в Испании, Салазара в Португалии, о Гитлере, Муссолини, японском милитаризме (В. Катаев, Н. Погодин, Я. Галан и др.)

В период Великой Отечественной войны памфлет стал настоящим боевым оружием. Маршал И. Х. Баграмян с полным основанием утверждал, что перо Эренбурга «было действеннее автомата». А Лев Гинзбург вспоминал, что памфлеты (он называл их статьями) Алексея Толстого («Москве угрожает враг», «Родина») и Ильи Эренбурга во время Отечественной войны «заучивались наизусть, как строки стихов» [74]. Разящее слово Л. Леонова, М. Шолохова, И. Эренбурга, А. Толстого, В. Гроссмана и многих других показывало преступную сущность фашизма, зверства оккупантов на занятых территориях, истинное лицо фашистских главарей. В послевоенные годы с началом «холодной войны» появилось много памфлетов на международные темы. Авторы их — в основном журналисты-международники, собственные корреспонденты центральных газет в зарубежных странах. Главные темы их публикаций: борьба за мир, за запрещение атомного оружия, разоблачение капиталистического «рая». (В. Зорин, С. Кондрашов, Б. Стрельников, М. Стуруа, И. Фесуненко, М. Таратута, Л. Гинзбург и др.).

Таким образом, можно сказать, что основная тема памфлетов советского периода — разоблачение, уничтожение внешнего врага. Если же внутренние недостатки клеймились в памфлетах, то это порой расценивалось как клевета на советскую действительность. Авторы подвергались суровой критике, их осуждала «общественность», их переставали печатать. Достаточно вспомнить судьбу М. Булгакова, М. Зощенко, А. Синявского. Знаменитые романы И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» о «турецкоподданном» Остапе Бендере долгое время были запрещены к печати. Эта политика началась еще в 1920-е гг., когда было сделано «внушение» поэту Д. Бедному за «клевету» на советскую действительность. Остроумная, искрометная пьеса М. Булгакова «Багровый остров», которую автор называл памфлетом, была поставлена в 1928 г. в Камерном театре и вскоре снята с репертуара как «издевательство над революционной драматургией», над театральными нравами.

В 1990-е гг., когда в стране происходила смена общественного строя и резко выделились противоборствующие стороны, жанр памфлета снова стал востребованным. Началась буквально памфлетная война, но темы материалов на этот раз не внешнеполитическая обстановка, а внутренние разборки. Почти в каждом номере любой газеты появлялся этот убийственный жанр. Эмоции порой настолько захлестывали оппонентов, что они не стеснялись в выборе выражений, употребляя абсценную лексику не только в тексте, но и в заголовках. Особенно этим грешили неподцензурные (самиздатовские) газеты.

Начало XXI века в отечественной журналистике знаменуется тем, что памфлет снова стал редким гостем на страницах прессы. Это свидетельство стабилизации поли-

тической обстановки в стране отнюдь не означает, что исчезло противоборство групп и желание уничтожить сторонников противоположных взглядов. Для подобных действий нужен повод. Как правило, таким поводом чаще всего является кампания по выборам в органы власти. Правда, оппоненты (чаще всего несистемная оппозиция) используют в таких случаях не памфлет, требующий от публициста большого таланта, а клеветнические факты, подтасовки, вбрасываемые в массовое сознание через социальные сети. Жанр таких материалов — пасквиль. Его иногда называют разновидностью памфлета. Если в памфлете автор, несмотря на неприязнь, порой ненависть к оппоненту, старается придерживаться достоверных фактов, то в пасквиле подобное правило не соблюдается. Более того, автор сознательно подтасовывает факты, распространяет явную клевету, стараясь как можно сильнее оскорбить оппонента, скомпрометировать его. В дореволюционном русском праве распространение пасквилям считалось преступлением. Большой юридический словарь так определяет эту литературную форму: «Пасквиль (нем. *pasquill*, от имени итальянского башмачника XV в. *Pasquino*, клеймившего высокопоставленных лиц), оскорбительное клеветническое произведение в публицистической или беллетристической форме (близкое к памфлету), под которым понимались анонимная письменная клевета или анонимное письменное распространение порочащих сведений» [75].

До сих пор идет выяснение, кем был на самом деле Пасквино — башмачником, цирюльником, трактирщиком или учителем. Бесспорно одно: напротив его жилища в Риме стояла на солидном постаменте безрукая античная статуя, не то бога, не то героя. Вот на эту статую сначала сам Пасквино, а затем другие недовольные римляне стали

приклеивать анонимные листки, эпиграммы с обличением преступных действий власть имущих, особенно тех, кто практиковал nepотизм, то есть проталкивал на «хлебные» должности своих родственников. Доставалось за прелюбодеяния и связь с куртизанками священнослужителям, в том числе и самого высокого ранга. Несмотря на то, что возле статуи была учреждена охрана, смельчаки по ночам ухитрялись обклеивать ее эпиграммами. Не устрасил их и указ папы Бенедикта XIII, по которому автору пасквилей грозила не только конфискация имущества, но и смертная казнь. В 1556 г. один из таких смельчаков был повешен. История сохранила его имя — Никколо Франко. Традиция обклеивать статуи (не только возле дома Пасквино, но и другие) различными эпиграммами, сохранилась в Риме вплоть до XX в., то вспыхивая, то затихая.

Несмотря на то, что пасквиль не считался в Европе «узаконенным» жанром, он периодически появлялся в прессе или печатался отдельными брошюрами, когда народу надо было выплеснуть свое недовольство. Так, во Франции в XVII в. на страницах небольших газет, выходивших по мере накопления материала, помещались острые «либель» (*libelle* фр. – дословно пасквиль). Специалист по истории французской журналистики Е. Гатен (E. Hatin). называл их явлением типично французским. Как видим, он ошибался. Однако, если учесть, что пасквили размещались не на стенах и постаментах, а в рукописных или печатных изданиях, в основном нелегальных, то можно говорить о французском приоритете. В качестве образца Гатен приводит газету в стихах «Тайфун» («*Typhon*») с ее эпиграммами, выходившую в 1640 г. Особенно много появилось либель во Франции после революции 1830 г., когда насмешкам подвергался даже сам король Луи-Филипп и члены его семьи [76, р. LXV].

Немецкие историки прессы утверждают, что XVI век в Германии был периодом расцвета письменной публицистики. Деятели Реформации, и прежде всего Мартин Лютер, написали огромное количество обращений-листовок к своим последователям, в которых клеймили папство, рассказывали о разложении Римско-католической церкви. Считают, что Лютер был автором почти трех тысяч произведений. «Любимыми публицистическими жанрами гуманистов были «пасквиль» и «диалог» [77].

В России слово пасквиль по сравнению с Европой имело более резко выраженную негативную коннотацию, автор его считался пасквилянтом, клеветником, «нерукопожатным», как сказали бы сейчас, человеком. Тем не менее, рукописные анонимные пасквили-эпиграммы циркулировали в обществе. Их переписывали, пересказывали, пытались угадать авторство. Один из таких пасквилей послужил причиной дуэли Пушкина. Распространенным вариантом пасквиля в России XIX в. был антинигилистический роман («Марево» В.П. Ключникова, «Взбаламученное море» А.Ф. Писемского, «Бродящие силы» В.П. Авенариуса, «Скрежет зубовой» В.Г. Авсеенко, «Кровавый пуф» В.В. Крестовского» и др.). Авторы их отождествляли освободительное движение в России с нигилизмом — по их мнению, экстремизмом, попирающим нормы нравственности, эстетические идеалы, сложившиеся устои жизни. А разночинная молодежь, пополняющая ряды нигилистов — это просто обманутые люди, «попавшиеся на удочку» идей А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева. Именно с ними полемизировали авторы антинигилистических романов, печатавшихся в основном в журнале В. Каткова «Русская старина». Герои этих романов порой представляли самые настоящие пасквили на конкретных людей из числа

революционных демократов России. В настоящее время пакскивили встречаются в отечественной журналистике, особенно, как уже указывалось, в пору выборных кампаний, или когда надо опорочить какого-то человека, например, назначенного на ответственную должность. Распространение клеветнических сведений, в том числе и в социальной сети, преследуется по закону (Уголовный кодекс РФ, статья 128.1 «Клевета»), тем не менее авторы ухитряются находить различные обходные пути, чтобы избежать наказания.

3.2. Эссе как социально-личностный жанр

Появление любого жанра в литературе и публицистике не является случайным. Это обусловлено историческими, политическими и национальными факторами, что подтверждает, в частности, и история возникновения жанра эссе. Его можно назвать социально-личностным жанром. Общественные условия, с одной стороны, и стремление автора выразить свой внутренний мир, показать отношение к действительности, с другой, породили новое для европейской литературы явление. Считается, что родоначальником эссе был французский философ Мишель Монтень. В возрасте 38 лет он оставил судебскую должность, уединился в сельской местности и начал писать небольшие по объему публицистические рассуждения на самые разные темы, объединив их в одну книгу под названием «Essais» (фр. — попытка, опыт). Первое издание вышло в 1580 г. В России частичный перевод «Опытов» впервые был осуществлен в 1762 г., затем в 1803 г. Полный русский перевод в трех томах вышел в 1954–1960 гг.

Причиной резкого поворота в судьбе для Монтеня, по-видимому, послужила болезнь и уверенность в скорой

смерти. Об этом он говорит в предисловии: «Назначение этой книги — доставить своеобразное удовольствие моей родне и друзьям: потеряв меня (а это произойдет в ближайшем будущем), они смогут разыскать в ней кое-какие следы моего характера и моих мыслей и, благодаря этому, восполнить и оживить то представление, которое у них создалось обо мне». После этого Монтень прожил еще 20 лет и оставил потомству богатое философское наследие. В книге представлены 107 эссе, в которых автор рассуждает о нравственности, поведении человека, религии, политике, педагогике, литературе, истории («О праздности», «О молитвах», «О пьянстве», «О воспитании детей», «О существующем среди нас неравенстве», «О Демокрите и Гераклите», «О ненадежности наших суждений» и др.). Многие мысли Монтеня, особенно по этике и педагогике, получили затем свое развитие в научных трудах известных ученых.

Строго говоря, подобная литературная форма непринужденного общения с читателем существовала еще в античные времена. Например, «Нравственные письма» римского философа Сенеки его другу и ученику прокуратору Сицилии Луцилию, написанные в период с 60 по 65 г. н. э. Темы этих писем: свобода воли, совесть, духовная сила, бессмертие души, отношение к бедности, к превратностям судьбы и пр. Как и во всякой эпистолярной публицистике, здесь есть конкретный адресат, обращаясь к нему, автор редко отклоняется от темы, меньше занимается саморефлексией, больше поучительством. Тем не менее каждое письмо — это своеобразный предшественник эссе. К таким же предшественникам можно отнести рассуждения «О поэтическом искусстве» Аристотеля; «О старости», «О дружбе» Цицерона; «Диалоги» Плутарха; сатирические декламации Лукиана — «Похвала мухе», «Суд гласных» и даже «О природе

вещей» Лукреция, где в поэтической форме излагается суть учения греческого философа Эпикура утверждавшего, что материя состоит из атомов, которые постоянно находятся в движении, что Вселенная бесконечна и вечна, поэтому не надо бояться смерти, это тоже изменение материи. На своих античных учителей указывал сам Монтень.

Возможности нового жанра в полной мере раскрылись в английской эссеистике, в частности, в творчестве Френсиса Бэкона. Некоторые исследователи считают, что английский философ заимствовал эту литературную форму у французов [78]. Бэкон так и назвал своиopus — «эссе», обозначив им название нового жанра. Первые две книги были опубликованы в 1597 г. Другие исследователи творчества Ф. Бэкона говорят, что речь должна идти не о заимствовании, а о типологическом схождении, поскольку историческая обстановка в Англии конца XVI — начала XVII в. была сходна с обстановкой во Франции того периода: развитие капиталистических отношений, пошатнувшийся королевский трон, недовольство значительной части населения своим бедственным положением. Всё это привело в конечном итоге к буржуазной революции. Новая эпоха, высвободив человека от внешних и внутренних оков, способствовала осознанию им собственной индивидуальности, собственной значимости. А это, в свою очередь, вызвало интерес к внутреннему миру человека, к его видению событий. Появившийся новый жанр не имел строгих канонов. Для него было характерно повествование от первого лица, естественность стиля изложения, интимность, взволнованность и вместе с тем мозаичность композиции, незавершенность, внезапность перехода от общезначимых проблем к глубоко личностным, рефлексия. Вследствие этого, как указывает В. И. Березкина, поначалу эссе не относили к серьезным жанрам. Сам Френ-

сис Бэкон называл эти опусы забавами, разбросанными медитациями, «четко отграничивая их от своих серьезных занятий [79, с. 17]. В центре внимания автора эссе — он сам, его переживания и размышления. Именно это подчеркивал Монтень в обращении к читателю: «Содержание моей книги — я сам». И далее уточнял: «Я имею дело только с собой, я непрерывно созерцаю себя, проверяю, испытываю... Я верчусь внутри самого себя».

Как это ни покажется странным, но за четыре с лишним века эссе, постоянно развиваясь, все-таки не имеет четко очерченных границ. К нему нередко относят произведения, которые имеют характеристики, присущие этому жанру: дружеская беседа, необработанность темы, незавершенность, интимность, самоанализ и т. д. Факт в эссе для автора важен не сам по себе, а как повод для размышления. К примеру, чем отличается рецензия от эссе на литературную тему? В рецензии должен быть профессиональный анализ произведения с точки зрения его художественных особенностей и социальной значимости. В эссе художественное произведение — это скорее повод для авторской саморефлексии. Чем отличается статья на философскую тему от философского эссе? Статья базируется на том положении, что главное для автора — это истина. Автор имеет четкий план ее обоснования, всякий уход в сторону, художественное обрамление, реминисценции и пр. лишь затрудняют читательское восприятие. В эссе главное — субъективное человеческое мнение по поводу истины. А потому в сферу философских рассуждений проникают образность, экспрессивность, полемический задор. Эта, на первый взгляд, внежанровость дает возможность автору выразить свои мысли в любой области, на любую тему: философия, религия, политика, мораль, искусство, литература. Кроме,

пожалуй, промышленности и сельского хозяйства. И то в XVIII в. в Англии появлялись эссе на эти темы. Широкие возможности эссе кроются в том, что оно представляет собой органичное сочетание научности, художественности и публицистичности, то есть аналитичность, использование всех приемов художественного стиля и приемов публицистики (установление контактов с читателем, экспрессия, доказательство собственной правоты с помощью убеждения и внушения и т. п.). Причем, стоит сделать крен в какую-либо сторону — и перед нами уже не эссе, а статья, рассказ или очерк, дневник или автобиография.

Расцвет эссе как газетного жанра в Англии наблюдается в первой половине XVIII века в творчестве Дж. Аддисона и Р. Стила (журналы «The Tatler» — «Болтун», «The Spectator» — «Зритель», «The Guardian» — «Опекун»). Особенность их эссе в том, что часто рассуждение велось не от имени автора, а от имени маски — выдуманного человека, со своими характеристиками, своими особенностями. Первый журнал, основателем которого был Р. Стил, имел подзаголовок «Болтун Исаака Бикерстаффа». Исаак Бикерстафф — один из псевдонимов Д. Свифта, которым он подписывал свои политические памфлеты. Так же стал подписываться и Р. Стил. В журналах «Зритель» и «Опекун» масок уже было несколько. По воле журналистов все они входили в клуб добропорядочных джентльменов, любителей порассуждать на самые разные темы. Особой популярностью у читателей пользовалась маска сэра Роджера де Коверли, нескладного чудаковатого провинциала. Вдобавок ко всем перечисленным ранее характеристикам жанр эссе под пером Р. Стила и Дж. Аддисона приобрел еще одну грань — иронию, усилив нравоучительную направленность произведения.

С точки зрения проявления индивидуальности можно выделить два основных вида эссе: субъективное (личностное), где для автора главное – рефлексия, раскрытие отдельных черт своего характера, и объективное (серьезное, формализованное), в котором большее внимание уделяется обсуждаемому вопросу, а личность автора отодвигается на второй план. С точки зрения тематики выделяют научное, философское, литературно-критическое, биографическое, морализаторское эссе. С точки зрения использования различных элементов текста исследователи говорят о повествовательном, описательном, критическом, аналитическом, рефлексивном, публицистическом эссе. Но основным критерием, на наш взгляд, является только степень проявления авторской индивидуальности. Все остальные позиции являются взаимопроникаемыми.

В России в отличие от стран Запада жанр эссе не был широко распространен. Хотя, как утверждает Л. Кайда, предшественника его можно встретить в древнерусской литературе: «Ближе всего к эссе... стоит «слово»... Близость внешняя заключается в том, что в манере русских авторов размышлять над проблемами философии, религии, бытия. Близость внутренняя — в композиционно-речевой модели спонтанного развития мысли, семантическим центром которой является заголовок «Слово о...» [80]. В XVIII–XIX вв. отдельные элементы этого жанра можно встретить в ряде произведений, например, в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, «Философических письмах» П. Я. Чаадаева, «Путешествии из Москвы в Петербург» А. С. Пушкина, «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского, «С того берега» А. И. Герцена. «... В большей степени литературные функции эссе брал на себя развитый эпистолярный жанр, а критические — столь же развитая публицистика» [81].

Интерес к эссе в России повышается в XX в. К. Зацепин называет авторов, в числе которых были известные писатели и поэты, оставившие нам образцы этого жанра. Причем, в творчестве одних преобладали черты публицистики (мы бы сказали формализованный вид эссе, или по-другому объективный): Андрей Белый, Максимилиан Волошин, Андрей Битов, Виктор Ерофеев, Александр Генис. В творчестве других — литературно-художественные приемы, которым больше внимания уделяется в эссе субъективного вида: Иннокентий Анненский, Осип Мандельштам, Марина Цветаева, Венедикт Ерофеев, Абрам Терц, Александр Скидан, Шамшад Абдуллаев, Иосиф Бродский, Всеволод Некрасов, Лев Рубинштейн, Марк Харитонов, Александр Секацкий и др. [там же]. Добавим сюда и другие имена: Владимир Набоков, Лев Шестов, Юрий Олеша, Виктор Шкловский, Константин Паустовский, а также имена отечественных ученых, перу которых принадлежат научные эссе: М. Бахтин, Д. Лихачев, Ю. Лотман, Н. Бердяев, А. Лосев, В. Розанов.

И тем не менее в повседневной деятельности советских журналистов жанр эссе употреблялся довольно редко. За него выдавали чаще всего бессюжетную лирическую зарисовку: о природе, о детях, о животных, о любви, то есть в буквальном смысле набросок, эскиз. Порой эссе считали разновидностью очерка (Е.И. Журбина, В.Я. Канторович, Н.И. Глушков). Причин такой не востребованности жанра, довольно популярного в Европе, было несколько: *во-первых*, размытость формы. По выражению М. Эпштейна, «эссе только тогда остается собой, когда непрерывно пересекает границы других жанров, гонимое духом странствий, стремлением все испытать и ничему не отдаться» [82, с. 8]. А поэтому — разорванность структуры произведения, уход в сторону от темы, мысли по поводу. К такому не был

приучен наш читатель. Во-вторых, рассуждение от первого лица, «яканье», не приветствовалось, считалось даже не этичным. Такое могли позволить себе лишь журналисты с именем. В период «хрущевской оттепели» ситуация меняется, но давление нормы, коллективности, единства взглядов неизбежно приводили к единообразию авторского «я», к банальности суждений. Естественно, что такое коллективное «я» не вызывало читательского интереса. Вот что писал об этом ведущий публицист газеты «Известия» Анатолий Аграновский в статье, опубликованной в журнале «Вопросы литературы» (1970, № 1): «Еще не так давно шли по этому поводу споры, многим это казалось нескромным, многие предпочитали в публицистике «мы». Сейчас спора нет, сейчас все пишут «я»: я приехал, я увидел, я думаю. Но коли уж так, то не пиши: «Я думаю, что Афины — город контрастов» или: «Я был в Астрахани и лично убедился, что Волга впадает в Каспийское море» [74]. В-третьих, материал нельзя отнести к жанру эссе, если автор не является там главным действующим лицом, пропускающим через себя все события, высказывающим собственное мнение. Исследователи отмечают специфику проявления авторской индивидуальности в данном жанре. «Только в эссе автор сохраняется как непосредственный субъект высказывания — причем высказывание это, в отличие от научного трактата, полемической статьи или политической листовки, — не имеет никакой прагматической цели. Даже выяснение истины не является целью. Объектом оценки является не правильность, а красота мысли и изящество ее изложения», — пишет В. Шубинский [83]. Возможно, здесь есть некоторое преувеличение, но действительно, эссе требует владения всей палитрой изобразительно-выразительных средств языка, в противном случае это будет просто дневник, чтение, не предна-

значенное для других. *В-четвертых*, эссеист — в какой-то степени бунтарь. Он склонен к скептицизму, открыто высказывает свое альтернативное мнение, порой отличное от мнения властей. Об этом говорит немецкий ученый Т. Адорно в своей работе «Эссе как форма»: «Эссеистическая личность есть олицетворение чистого скепсиса, оппозиционно-альтернативного мышления, противостоящего «истеблишменту» с его набором освященных вещностей и овеществленных святынь» [84]. Особенно ярко это бунтарство проявилось в английской журналистике XVIII в.

Повышенная востребованность жанра эссе наблюдается в России с 1990-х гг., когда исчезли жесткие рамки цензуры, сковывавшие простор авторской мысли. Человек обрел внутреннюю свободу, возможность самовыражения. И самое главное — аудитория проявила интерес к внутреннему миру автора, под влиянием которого у нее формировалось представление об изменившейся действительности. Это время иногда называют временем персонального журнализма. Такой этап в истории мировой журналистики наблюдался в пору ее зарождения и развития, когда один и тот же человек одновременно являлся издателем, основным автором и распространителем газеты или журнала. Сегодня у нас в это понятие вкладывается другое содержание. Ушел в прошлое обезличенный автор. Людям стало интересно мнение конкретного публициста, его видение событий, его картина мира. Имя автора, его точка зрения становятся своеобразным брендом печатного издания, теле- или радиопрограммы.

С развитием и возросшей в социальной сети популярностью блогерства всё чаще встречается утверждение, что это и есть настоящая эссеистика (оперативность, актуальность, полемичность). Однако здесь нет одного из важных

качеств эссе — высокой художественности, умения использовать всю палитру языка (эпитеты, метафоры, гротеск, ирония, буффонада), порой — нет и умения мыслить. В блоге, обычно небольшом по размеру (на разных платформах существует ограничение в количестве слов), автор оперативно, иногда довольно экспрессивно высказывает свое оценочное мнение по поводу какого-либо факта: нравится — не нравится, осуждаю — одобряю и т. п. Но задача эссе — преломив событие через собственное «я», познать в первую очередь себя, а через себя — других людей, весь мир. Здесь-то и начинается творчество. Интернет — это просто способ обнародования блога, такой же, как доска объявлений, фонарный столб или забор. С той лишь разницей, что аудитория у таких материалов несравненно больше. Вполне закономерно, что блоггерство, пройдя процесс институализации, сегодня обретает статус интернет-СМИ, или, как иногда говорят, «народной журналистики, от которой ничего нельзя скрыть». Институализация предполагает выработку определенных правил действия института и ответственность за их нарушение. А это прежде всего — соблюдение законов, по которым живет общество, в том числе и Закона о СМИ (проверка обнародованных фактов, уважение прав личности, грамотный текст и пр.)

Особенность российской литературы и публицистики конца XX — начала XXI в. — эссеизация текстов, независимо от их жанровой принадлежности. Проявляется это в сокращении объема текста, уплотнении «художественного времени и пространства», повышении удельного веса каждого слова, внедрении принципа монтажной композиции [85]. А главное — в персонализации текста, усилении личностного начала, то есть описании событий через призму субъективного авторского переживания, можно даже сказать, инти-

мизации текста. Это особая коммуникативная стратегия, вовлекающая аудиторию в сопереживание, диалог. Отсюда — уход в сторону от темы: реминисценции, примеры из собственного опыта, разговорный язык, ирония, переход к другой теме и т. п. Нередко в таких текстах ощущается внутренняя незавершенность, автор как бы делает только предварительный набросок; рассматривая предмет отражения с разных сторон, не охватывает его полностью. Да он и не ставит такой цели. Главное для него — самораскрытие.

Тем не менее, «одним актом сознания эссе может расщепить ложную, застывшую целостность и воссоздать из ее частиц новую, внутренне подвижную. Эссеистическое мышление не является ни «позитивным», ни «оппозиционным», но скорее «интерпозитивным», выявляя значение лакун, незанятых и промежуточных позиций в существующей культуре. Таким образом, эссеизм может стать проводником противоположных тенденций: интегративной и дифференциальной — причем в их борьбе он выступает на стороне обеих, занимая промежуточную позицию самой культуры» [84]. В этом замечании М. Эпштейна подмечена суть эссеизации текста — отражение действительности с позиции ее субъективного понимания, отсюда попытка разобрататься в разных точках зрения, найти в каждой положительные моменты, не примирить, а использовать их, потому что каждая из них может оказаться истинной. И наконец, эссеизация текста показывает нам, что происходит сближение художественной литературы и публицистики, например встречающаяся сегодня эссеизация романов. Вероятно, этим объясняется в начале XXI века повышенное внимание теоретиков публицистики и литературоведов к жанру эссе и проблемам эссеизации текстов. Достаточно сказать, что только с 1999 по 2010 г. по этой проблематике было защи-

щено около десятка кандидатских и несколько докторских диссертаций [86]. Особенности жанра эссе рассматриваются в многочисленных статьях этого периода. С 2011 г. интерес к теоретическому осмыслению возможностей жанра эссе и эссеизации текстов крупных форм ослабевает.

В дальнейшем можно предположить, что жанр эссе не будет в первых рядах по распространенности в отечественной журналистике, потому что требует тщательной литературной отделки. А поскольку наша публицистика все больше уходит в социальные сети, можно сказать, что здесь у авторов есть время и пространство для выражения своих мыслей, но ни того, ни другого для их литературной отделки, саморефлексии, проверки фактов. Размеры эссе всегда будут больше блогерских заметок. Естественно, в сети Интернет можно разместить материал большого размера, но будет ли он прочитан до конца и осмыслен? Как утверждают некоторые исследователи, «информация легче воспринимается с листа бумаги, чем с экрана: чем больше документ предполагает внимательное изучение, тем меньше он рассчитан на экранное восприятие. На экране же корректно воспринимается информация небольшого объема» [87, с. 125]. Однако не исключено, что новые медиа, оказывающие влияние на трансформацию традиционных (оффлайн) жанров, видоизменяют эссе и в структурном плане, и в принципах выражения авторской позиции, и в художественном обрамлении мысли. Вполне возможно, что называться он будет уже не эссе, а как-нибудь иначе. Что касается сегодняшнего дня, то можно с уверенностью сказать, что запрос на эссеистику есть, и в дальнейшем активнее будет продолжаться эссеизация крупных литературных форм (повестей, романов), а традиционные журналистские эссе, предполагаем, станут публиковаться преимущественно в печатных изданиях.

Анализируя в историческом плане жанровую структуру печатной прессы разных европейских стран, нужно отметить, что на протяжении XVI–XX вв. шло постоянное заимствование новых форм подачи материалов. Причем, зародившись в одной стране, жанр достигал своего расцвета в другой, становясь иногда мощным оружием в политической борьбе. Такова судьба эссе, «рожденного» французом и ставшего главным боевым жанром английской прессы XVIII в. Россия, географически удаленная от европейских государств, с развитием журналистики европейского типа (XVIII в.) активно заимствует у западных коллег формы подачи материалов, трансформируя их в соответствии с собственными запросами (письмо, биография, дневник, физиологический очерк, фельетон и др.). Однако некоторые жанры в России не были широко употребляемы. Например, пасквиль. Другие совсем не прижились. Например, такой необычный для нас жанр, как «речь на торжественном обеде» (мы считаем, что это один из видов отчета). Выделение в странах Европы «речи» в самостоятельный жанр подчеркивает его распространенность и политическую значимость. Англичане первыми стали применять этот способ обойти цензуру. Но особенно широко он стал использоваться во Франции во времена Июльской монархии при правлении Луи-Филиппа. Поскольку политические материалы печатать в прессе было запрещено, оппозиция нашла способ публично выражать свое мнение, печатая отчеты о банкетах, так как банкеты были почти единственной разрешенной формой политического собрания. Пресса пересказывала то-сты, произнесенные во время банкетов. Порой в них содержалась завуалированная оценка действий правительства, положения дел в стране. «Особенно это было важно для активизации политической жизни в провинции, далекой

от парламентских дебатов и центральных парижских газет» [88, с. 136]. Причина не востребованности такой формы текста в России того периода крылась прежде всего в отсутствии оформившихся политических партий и оппозиции. Та небольшая группа дворян-декабристов, выступивших в 1825 г. на Сенатской площади, вряд ли стала бы публиковать протоколы своих секретных собраний. Это было бы равносильно самоубийству.

ЧАСТЬ 4

Компаративистика в исследованиях отечественной и мировой журналистики

Особенность изучения отечественной журналистики в XX в. — микрокомпаративистские исследования: когда сравнивается творчество двух авторов, двух или нескольких журналов, взаимоотношения русской и национальных журналистик (русско-украинские, русско-татарские, русско-узбекские, русско-грузинские и т. п. связи в области литературы и журналистики). В советский период большинство компаративистских исследований отечественной журналистики были направлены на практические цели (опыт лучших газет по освещению какой-либо темы, повышению эффективности, привлечению внимания аудитории и т. п.) или на описание состояния журналистики в историческом плане. Немало было исследований, где сравнивалась советская журналистика и журналистика капиталистических стран. Середина XX в. отмечена междисциплинарными исследованиями. Отечественная журналистика стала рассматриваться с позиций политики, экономики, права, экологии, психологии и т. п. Применение специальных методов этих наук дало возможность глубже исследовать проблемы коммуникативистики. В центре внимания становится сопоставление не стран, а особенностей журналистики. Предпринимались попытки выявить общие парадигмы развития мировой журналистики.

4.1. Сравнение медиасистем. Первая попытка макроисследования

Вторая половина XX и начало XXI в. характеризуются макрокомпаративистскими исследованиями, в связи с чем ученые для описания отношений между СМИ и государством стали использовать термин медиасистема. Он вошел в оборот после Второй мировой войны и обозначает более широкое понятие, чем система СМИ. Однако до сих пор общепринятого определения термина не существует. Часто предложенные определения фиксируют внимание на разных сторонах объекта (Е. Л. Вартанова, С. С. Бодрунова, М. Г. Шилина, И. В. Григорьев, В. А. Филиппова, А. В. Потребин, А. Д. Дедюхина и др.). То же можно сказать и о зарубежных исследователях (Almond G., Verba S.; Bastiansen H. G.; Curran J.; Flew T., Waisbord S.; Hallin D.; Mancini P.; Gross P. Et all). Отечественные исследователи Д. П. Гавра и К. А. Наumenко проанализировали и обобщили разные подходы к трактовке термина и в итоге предложили следующее определение: медиасистема — это «комплекс медиаинститутов и медакторов, их отношений с другими институтами и аудиторией, регулирующих нормы и ценности, обеспечивающих в совокупности удовлетворение общественно необходимой потребности в социально значимой информации» [89]. Следовательно, медиасистема страны — это не только ее средства массовой информации и субъекты, причастные к ее производству и распространению, но также привязанность к культурно-территориальным особенностям, нормативно-правовому регулированию, к политике, экономике государства, уровню развития аудитории. То есть, как уточняют авторы, это «сложная совокупность социальных субъектов и социальных отношений, относительно функ-

ционально обособленных и в то же время неразрывных с другими смежными субъектами и отношениями».

Для более глубокого понимания особенностей медиа-системы, нужно кратко охарактеризовать свойства, присущие всякой системе:

1) целостность, то есть несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов и невыводимость из последних свойств целого;

2) структурность, то есть возможность описать систему через установление ее структуры — сети связей и отношений;

3) взаимозависимость системы и среды (система формирует и проявляет свои свойства в процессе взаимодействия со средой);

4) иерархичность (каждый компонент системы может рассматриваться как самостоятельная система, а исследуемая в данном случае система представляет собой компонент системы более высокого порядка;

5) множественность описания каждой системы (в силу принципиальной сложности каждой системы ее адекватное познание требует построения множества различных моделей, каждая из которых описывает лишь определенный аспект системы).

При изучении медиасистем определенную трудность представляет их классификация. А тем более объединение в рамках одной модели. «Модель — один из важнейших инструментов научного познания, управления, а также обучения, условный образ исследуемого (управляемого или изучаемого) объекта. Модель конструируется субъектом исследования или управления так, чтобы отобразить существенные для его цели характеристики объекта (свойства, взаимосвязи, структурные и функциональные параметры

и т. п.) [90, с. 66]. Чаще всего различие медиасистем базировалось на идеологических и экономических факторах. Были и другие подходы. В числе отечественных ученых, предложивших классификацию социокультурных моделей журналистики, исследователи называют имя профессора Ростовского университета Е. А. Корнилова, который еще в конце 1960-х гг. выделял следующие альтернативные пары: глобальная — региональная, официальная — неформальная, континентальная — островная, качественная — бульварная, демократическая — тоталитарная, печатная — аудиовизуальная [91].

Большой шаг в исследовании медиасистем был сделан в 1956 г. когда в США вышла в свет книга историков и теоретиков журналистики Ф. Сиберта, У. Шрамма и Т. Петерсона «Четыре теории прессы», которая сразу же стала известна во многих странах мира. В Советском Союзе полный перевод книги появился в 1998 г., а довольно подробное изложение ее сути — в 1980 г. в книге «Буржуазные теории журналистики. Критический анализ». Рассматривая прессу разных стран через призму ее взаимоотношений с властью, авторы выделили четыре ее типа: авторитарная, либертарианская, социальной ответственности, советская коммунистическая. Авторы описали особенности функционирования каждого типа. Авторитарная журналистика действует по принципу строгой вертикали, сверху вниз, принадлежит правительству, иногда особо доверенным частным лицам. Теоретическая основа этой концепции: государство по шкале ценностей стоит выше отдельной личности, поэтому пресса должна прежде всего заботиться об интересах государства, о сохранении его целостности. И для этого — обеспечивать *единство мнений*. Такова была основная функция прессы авторитарного государства.

Единомыслие достигается только в результате постоянного контроля за деятельностью прессы и отдельной личности. Авторитарная пресса существовала в XVI–XVII вв. во всех государствах Европы. В некоторых странах, по мнению авторов, существует и сейчас (Куба, Северная Корея). На авторитаризм прессы, утверждают авторы, повлияли философские принципы и авторитарные традиции римской католической церкви, по канонам которой папа римский выступал непререкаемым авторитетом, представителем Бога на Земле. Правитель государства и его окружение также были источником справедливости и не подлежали критике, даже если они и заслуживали ее. Нельзя было подрывать авторитет власти.

В XVIII в. в ряде стран Европы развивается философия либерализма, рассматривавшая человека не как зависимое существо, которое надо учить и направлять, а как разумную личность, способную отличить правду от лжи. И если человек встречается с противоречивыми фактами, то сам в состоянии дать им верную оценку. В рамках этой теории пресса стала рассматриваться как партнер по поиску истины. Следовательно, в стране необходимо было обеспечить свободу выражения мнений каждому гражданину. Не случайно в этот период появлялись в разных государствах Законы, билли о правах человека и свободе слова. По мнению Джона Локка (1632–1704), центр власти заключается в воле народа, который передал государству полномочия управлять собой в обмен на гарантию, что государство признает и будет соблюдать его естественные права. А одно из естественных прав — это свобода слова. Переход прессы к либертарианским принципам функционирования, по мнению авторов, осуществлялся в XVIII и XIX вв. В 1843 г. в Англии парламент принял закон, по ко-

торому установление истины, правдивости напечатанного было признано как аргумент защиты. До этого, даже если газета напечатала правду о представителях власти, она все равно подвергалась наказанию. В рамках либертарианской теории основными функциями прессы были: *способствовать разрешению социальных конфликтов (нахождение консенсуса при обнародовании разных точек зрения), информировать, развлекать, способствовать продажам (функция рекламы)*.

В XX в. на смену либертарианской приходит теория социальной ответственности применительно к новым условиям концентрации и монополизации прессы. Основной постулат этой теории: свобода печати несет с собой сопутствующие обязательства перед обществом, выполняя определенные важные функции. Эта теория признает роль прессы в *обслуживании экономической системы*, но считает недопустимым, когда эта задача главенствует над такими функциями, как *продвижение демократических процессов* или *просвещение общественности*. Эта теория считает также одной из важных функций прессы — *предоставление развлечений* для граждан, но с условием, что это «хорошие развлечения». В целом, пресса несет ответственность перед обществом за его благополучие. У критиков книги именно эта теория вызвала много вопросов. Кто будет следить за соблюдением всех правил и предписаний? Сможет ли человек, получающий только факты, самостоятельно разобраться в сути явлений? Как отличить хорошее развлечение от плохого? Как конкретно пресса должна отвечать перед обществом за его благополучие?

Советская коммунистическая теория прессы, по мнению авторов, развивала авторитарный подход к журналистике как к орудию и инструменту в руках коммунистиче-

ской партии (вспомним ленинское определение функций пролетарской печати: *коллективный агитатор, пропагандист и организатор*). Характерная черта этой теории — вертикаль журналистики. Вышестоящая газета имела право критиковать нижестоящую, но не наоборот. Можно было критиковать отдельных людей, но не в целом политику правительства и партии. Пресса не могла быть собственностью частных лиц.

Книга «Четыре теории прессы» явилась, по сути, первым основательным макрокомпаративистским исследованием журналистики. В ней сделана попытка всесторонне охарактеризовать прессу не как автономное образование, а как производное существующей общественной системы. Основные элементы, по которым проводилось сравнение: историческая обстановка, особенности общественной системы, взаимоотношение прессы с властью (законодательство и пресса, государственная и частная пресса, проблема свободы печати), уровень развития читателя, функции прессы, формы контроля за действиями прессы. Книга вызвала много откликов, как положительных, так и критических, на наш взгляд, не всегда обоснованных. Например, что четыре теории прессы не охватывают весь спектр мировых медиасистем, что в центре внимания авторов находятся, прежде всего, медиасистемы Великобритании, США и Советского Союза. Но во время «холодной войны» (время выхода книги) именно эти страны представляли два главных лагеря, противостоящих друг другу. И в каждом из этих лагерей медиасистемы строились наподобие систем двух ведущих соперничающих стран. К тому же, описать все мировые медиасистемы без солидной эмпирической базы вряд ли было под силу трем авторам. В целом, несмотря на ряд недостатков, попытка использования макрокомпаративистики для

исследования печати разных стран оказалась плодотворной. И свидетельство тому — книга до сих пор находится в научном обороте, несмотря на то, что некоторые реалии давно устарели.

4.2. Методика Д. Халлина и П. Манчини в исследовании медиасистем Старого и Нового света

Вторая попытка такого комплексного макрокомпаративистского анализа мировой прессы произошла уже в XXI в. В 2004 г. вышла в свет книга двух авторов — Д. Халлина (Калифорнийский ун-т, США) и П. Манчини (ун-т Перуджи, Италия) — «Сравнение медиасистем: три модели медиа и политики» [92]. Халлин и Манчини, отдавая должное авторам книги «Четыре теории прессы», критикуют ее за то, что классификация медиасистем находится «под сильным влиянием идеологии «холодной войны»»; за «непоследовательную структуру», «сомнительные типологии», «скудный эмпирический анализ», «теоретичность и умозрительность»; за то, что не учтено обратное влияние прессы на другие социальные институты [там же, р. 9]. Халлин и Манчини выделили три модели прессы: 1) либеральная или североатлантическая (США, Канада, Великобритания, Ирландия), 2) демократическая, корпоративная или североамериканская (Бельгия, Нидерланды, Австрия, Германия, Швейцария, Дания, Финляндия, Швеция, Норвегия), 3) модель поляризованного плюрализма или средиземноморская (Испания, Португалия, Франция, Греция, Италия).

Первый вопрос, который возникает при знакомстве с книгой, какие элементы выделяют авторы для сравнения? Являются ли эти элементы достаточными для того, чтобы сопоставлять медиасистемы выбранных стран? Одинаковы

ли эти элементы для всех выбранных стран? Иначе получится просто описание разных медиасистем. Такой подход возможен, но только на первом уровне сравнительного исследования. Следующий уровень требует перехода от метода к методологии, к выявлению причин сходства и различия. Сравнение по случайно выбранным элементам, как правило, является формальным и бессодержательным.

Халлин и Манчини выбрали одиннадцать элементов (они называли их параметрами), по которым проводилось сравнение. Поскольку модель медиасистемы обусловлена политическим и социальным контекстом, то семь из одиннадцати параметров — это исторические, экономические, политические особенности страны, а четыре относятся непосредственно к медиасистеме, в частности:

1) развитие медиарынка в стране (нормы тиража, ориентация на элиту или на массовую аудиторию, соотношение между региональными и общенациональными изданиями, соотношение между газетами и телевидением как источниками новостей);

2) политический параллелизм, то есть характер связей между медиа и политическими организациями (степень политической ориентации изданий, непосредственные связи между СМИ и политическими партиями, участие журналистов в политической жизни, характер регулирования общественного вещания);

3) степень развития журналистской профессионализации (наличие профессиональных союзов, выработанных норм профессиональной деятельности, в том числе профессиональной этики, учет запросов аудитории, приоритет общественных интересов перед олигархическими);

4) степень вмешательства государства в медиасистему (цензура и другие виды контроля, выработка правовых актов

о деятельности СМИ, субсидии и другие виды экономической поддержки, наличие собственности у разных СМИ, приоритет государства в формировании новостной «повестки дня»).

Авторы выделили основные черты, присущие каждой модели:

● **Североатлантическая:**

- коммерческая ориентация прессы;
- средние тиражи газет;
- «журналистика новостей, а не мнений»;
- высокий профессионализм журналистов;
- неинституциональное регулирование (низкая степень вмешательства государства);
- СМИ зависят от рекламы (нет субсидий от государства);
- массовость, ориентация на средний класс аудитории;
- политическая нейтральность (пресса — не национальное СМИ);
- ранняя демократизация общества (умеренный плюрализм во власти, важны интересы личности (индивидуальный плюрализм), либерализм власти, нет острой борьбы государства и оппозиции, поэтому СМИ не ориентированы политически).

● **Североевропейская:**

- политический плюрализм (свобода прессы обусловлена исторически, вмешательство государства регулируется законом);
- высокие тиражи печатных изданий;
- мужская и женская аудитории равноценны;
- исторически сильное влияние партий;
- высокий профессионализм журналистов;
- ориентация на элиту (ранняя демократизация общества, разделение по языкам).

● **Средиземноморская:**

- сильное влияние государства на СМИ (в приоритете — политическое освещение);
- медиа субсидируются государством;
- слабый профессионализм журналистов;
- ориентация на элиту общества;
- отсутствие мониторинга СМИ;
- «журналистика мнений, а не фактов»;
- ориентация на мужскую аудиторию;
- телевидение — основное СМИ;
- плохо развиты коммерческие СМИ;
- поздняя демократизация общества (организационный плюрализм (интересы групп), слабо развита национально-легальная власть).

Авторы также попытались заглянуть в будущее, определив, какая медиасистема окажется наиболее жизнеспособной и востребованной, ссылаясь при этом на мнения ученых разных стран. Ответ мы находим в главе «Триумф либеральной модели». Здесь подчеркивается, что процессы конвергенции, происходящие в государствах, будут способствовать дальнейшей коммерциализации СМИ и разрыву их связей с политическими институтами. Всё это будет происходить в рамках развития либеральной идеологии и глобальной экономики, где пресса рассматривается скорее как институт рынка, чем институт политики.

Книга Халлина и Манчини получила много положительных отзывов. Прежде всего, отмечалось, что медиасистемы разных стран можно сравнивать, то есть не только противопоставлять, используя при описании лишь две краски — черную и белую, а признать, что есть общие парадигмы действия. В то же время было немало и критических замечаний. В частности, авторов упрекали в том,

что это целиком теоретические умозаключения, не основанные на эмпирической базе. Исследователь Дж. Нероун считал упущением, что в книге не рассматривается финансовые основы существования средств массовой коммуникации [93]. Есть претензии и к выделению элементов сравнения (критики имеют в виду некоторую произвольность выбора), отсутствует ориентация на аудиторные ниши, на то, как медиасистема отвечает на существующие социальные запросы; указывается также на оторванность от сравниваемых количественных знаний об обществе. Упрекают авторов в слишком узком понимании задач медиасистемы, основная функция которой, по их мнению, быть «сторожевым псом демократии». Нет прогностического целеполагания. И вообще, подобное сравнение нельзя проводить без социологического анализа медиа. И даже утверждает-ся, что «книга представляет собой не более, чем мнение двух человек», а многие выводы сделаны «на уровне здравого смысла» [94].

Во многом критика справедлива. Однако нужно отметить, что книга Халлина и Манчини появилась как нельзя вовремя, проясняя ряд вопросов, связанных с функционированием медиасистем в новых условиях. Прошло уже несколько десятилетий после появления «Четырех теорий прессы». Изменился мир. В отношении социального устройства он, можно сказать, стал во многом однополярным. Тем не менее медиа разных стран имеют свои особенности и в то же время общие черты, что и попытались показать авторы. Не менее важным является и то, что, если с легкой руки Шрамма, Питерсона и Сиберта в мире появился интерес к макрокомпаративистским исследованиям в области медиа, то книга Халлина и Манчини породила настоящий бум. Появилась масса монографий на подобную тему [95].

Интерес к сравнительным исследованиям такого масштаба подогревался еще и тем, что крушение социалистического лагеря давало возможность наблюдать за изменением медиасистем стран, входивших в него. Отмечая причины изменений, ученые прежде всего говорили о смене политического строя, то есть указывали на прямую взаимосвязь между трансформацией политических и медийных систем. Дальнейшие исследования показали, что политический фактор не является единственным и что медиасистемы могут изменяться и в стабильных обществах. Например, Халлин и Манчини показали, что многие европейские государства в наше время «дрейфуют» в сторону либеральной модели медиа в силу не только политического, но и социально-экономического фактора. Ученые говорят также о влиянии на развитие структуры медиасистем таких факторов, как исторический, культурный, этно-национальный, географический, уровень грамотности аудитории, религия, особенности стиля жизни и потребления и др. (Дедюхина А. Д., 2010).

Сравнивая медиасистемы разных стран, ученые говорят о трех фазах процесса изменения их моделей: *гомогенезация, гетерогенезация и гибридизация*.

Гомогенезация, по сути, означает стремление к одной общей медиасистеме, когда происходит своего рода конвергенция, то есть соединение, сращивание в одно целое часто противоположных систем. Этому в значительной степени способствует глобализация мировой экономики, коммерциализация медиарынка, внедрение технологических новшеств, покупка медиапродукта в других странах и пр.

Гетерогенезация (гетерогенный — неоднородный) означает в данном случае использование журналистикой новых форм, приемов, методов, присущих другим областям

общественной жизни (политическая борьба, выборная кампания и пр.).

Гибридизация представляет собой смесь разных моделей, например, уже существующей с внедрением в ее структуру элементов других моделей, или «адаптация иностранной модели к конкретным историческим, социальным и культурным характеристикам системы отечественных медиа» [96].

Одним из замечаний в адрес Халлина и Манчини было то, что они не анализировали медиасистемы стран Восточной Европы и России в посткоммунистический период. Замечание было учтено, и в 2012 г. под редакцией этих же авторов вышел сборник «Сравнение медиасистем за пределами западного мира» [97]. В нем анализировались медиасистемы таких стран, как Россия, Литва, Польша, Китай, а также Израиль, Бразилия и ЮАР. Сборник представляет собой статьи, написанные медиаисследователями этих «незападных» стран, которые предложили «внести коррективы» в научные концепции Халлина и Манчини, считая необходимым при анализе медиасистем разных стран учитывать культурные и национальные традиции этих стран, а также их исторический опыт борьбы за независимость, за национальную идентичность. Во второй части сборника, названной «Методы и подходы», рассматривается панарабский медийный рынок, в частности медиасистемы Саудовской Аравии, Ливии, а также стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Здесь высказано немало критических замечаний в адрес теоретических моделей медиасистем, представленных в книге Халлина и Манчини. Авторы статей считают, что необходимо выйти за рамки представлений об «эталонности» моделей, выделенных в книге Халлина и Манчини и описать «дополнительные», в частности, «гибридные моде-

ли» и «гибридные режимы», что особенно характерно для «незападных» стран.

В Заключении сборника Халин и Манчини соглашались с критиками, отмечая, что прежнее их исследование «не обязательно должно стать отправной точкой для анализа медиасистем по всему миру». Наоборот, они понимают, что применение их концепции к другим регионам мира является «проблематичным» и предложили объединить усилия ученых разных стран для сравнительного анализа медиасистем и медиамodelей, а также для решения ряда методологических проблем, связанных с определением и уточнением некоторых понятий (система, модель, структура). Подробный анализ материалов этого сборника содержится в статье Л. М. Земляновой «Теоретические принципы сравнительного анализа медиасистем и медиамodelей разных стран в трудах Даниела Халлина и Паоло Манчини, их адептов и оппонентов», опубликованной в электронном научном журнале «Медиаскоп» [98].

В постсоветский период интерес к компаративистике в отечественной науке неуклонно возрастал. Всё шире стала использоваться при анализе СМИ компаративистская методология, активизировались связи с зарубежными учеными, работающими в этом направлении. Один из традиционных русско-французских коллоквиумов в 2011 г. был посвящен транснациональной истории компаративизма. Коллоквиум проходил в Москве, в ИМЛИ РАН и РГГУ при участии лаборатории «Культурный трансфер» Национального центра научных исследований Франции (CNRS). Представители разных наук, в основном гуманитарных,¹ вели речь о специфике использования этого научного метода в разных областях знаний. В 2013 г. на факультете журналистики Санкт-Петербургского государственного универси-

тета прошла международная конференция «Компаративные медиаисследования в современном мире» («Comparative Media Studies in Today's World»). Почетным гостем этой конференции был и Паоло Манчини. Участники конференции высказали пожелание «найти «такие критерии кластеризации медиасистем», которые одновременно позволят работать с различием и с прогнозированием развития медиа». То есть участники конференции отметили необходимость тщательнее подойти к выделению элементов сравнения.

В 2015 г. департамент медиа Национального исследовательского университета Высшей школы экономики провел международную научную конференцию «Сравнение медиасистем в странах БРИКС: пересмотр устоявшихся парадигм». На ней был поставлен вопрос о необходимости «реконцептуализации» европейских теорий анализа медиасистем применительно к странам «незападного мира». В том же 2015 г. (июнь) факультет журналистики МГУ провел международную конференцию «Средства массовой информации России и Китая в XXI веке: медиасистемы России и Китая в контексте стран БРИКС». Западные исследователи считают, что основными факторами сближения в развитии медиасистем развивающихся стран являются либерализация национальной экономики, демократизация политики и внедрение новых технологий. Однако представители развивающихся стран утверждали, что наряду с этим существует ряд факторов, которые «отвечают за сохранение национальной специфики медиасистем», и их необходимо учитывать в исследовательской деятельности.

В 2016 г. проблемы медиакомпаративистики обсуждались и на научно-практической конференции Национальной ассоциации массмедиаисследователей (НАММИ), состоявшейся на факультете журналистики МГУ. В своем вы-

ступлении С. Бодрунова, отмечая несомненную ценность книги Халлина и Манчини, подчеркнула, что, поскольку речь идет о медиасистеме, авторам необходимо было больше внимания уделить ей именно как системе, отталкиваясь от ее свойств и характеристик (открытость — закрытость, устойчивость — диссипативность, независимость — внешняя ориентированность систем, способы поступления ресурсов и типы продукта системы и т. д.). Это позволило бы «предсказывать точки бифуркации системы: кризисы на медиарынке, политические трансформации медиасистем, культурную динамику...» [99, с. 36].

В ноябре 2017 г. в России состоялся Международный симпозиум, посвященный памяти Уилбура Шрамма, в связи со 110-летием со дня его рождения. На симпозиуме обсуждались вопросы истории исследования сферы коммуникации. С докладом «Книга «Четыре теории прессы» как отправная точка в развитии школы изучения медиасистем» выступила профессор МГУ Е. Л. Варганова. Исследования медиасистем обсуждались и на международных конференциях других стран (Вроцлав, 2007; Перуджа, 2007; Сан-Диего, 2009).

Поскольку медиасистема не может рассматриваться отдельно от общества, в котором она функционирует, то научная медиакомпаративистика предполагает также рассмотрение института журналистики данного общества во взаимодействии не только с политическими, а на этом сделан основной упор в отечественных исследованиях, но и с другими социальными институтами, например, с такими, как образование, воспитание, культура и пр. На наш взгляд, требуют большего внимания сравнительные исследования тех медиасистем, которые не всегда могут контролироваться властями и политическими сферами своих стран. Вне

поля зрения современных исследователей, и не только отечественных, остается сравнение творчества выдающихся журналистов разных стран, их методов деятельности, поиска новых форм представления текста, а также определение их вклада в развитие мировой журналистики.

ЧАСТЬ 5

Новые медиа в современном коммуникативном пространстве

5.1. Развитие сетевых СМИ. От Web 1.0 к Web 4.0

В 1960-х гг., когда на свет появился первый компьютер — результат военных разработок — и зародилась сеть Интернет, вряд ли кто мог предположить, какова будет их роль в дальнейшем развитии медиа. И уж тем более никто не ожидал, что спустя всего два десятилетия в мире появится первый визуальный редактор для подготовки электронных сетевых публикаций. Так родился новый документ, сочетающий в себе текст, звук и изображение. А понятие «всемирная паутина», через которую шло распространение этого документа (WWW — World Wide Web), стало употребляться в качестве синонима слова Интернет. 1980-е годы — своего рода водораздел между традиционными (печатными, теле- и радиовещательными) и новыми СМИ (интернет-СМИ и электронные версии СМИ, мобильное ТВ, блогосфера, социальные сети, виртуальные сообщества, текстовые игры).

Новые медиа обладают большими возможностями:

— оперативность (оцифровка контента позволяет мгновенно передавать его на любые расстояния и на любой компьютер, а также осуществлять мгновенное редактирование и обновление новостей);

— интерактивность (диалог с пользователями можно вести в режиме реального времени);

— мультимедийность (совмещение в медиасообщении текста, звука, изображение), позволяющая аудитории лучше усваивать информацию);

— гипертекстуальность (возможность расширять общение с помощью ссылок);

— измеримость (специально встроенные в систему элементы позволяют определить рейтинг той или иной программы);

— возможность архивировать информацию и обеспечить быстрый доступ к ней пользователя;

— экономичность (удешевляется и производство, и распространение контента);

— возможность служить площадкой для консолидации гражданского общества.

Конец XX в. характеризуется широким распространением сетевых СМИ. В Законе РФ «О средствах массовой информации» дается определение этого вида медиа: под сетевым изданием понимается сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, зарегистрированный в качестве средства массовой информации в соответствии с настоящим Законом. Сначала это были онлайн-версии традиционных изданий. Затем стали появляться самостоятельные издания.

Считается, что первой сетевой газетой, не имевшей печатного аналога, была выходившая в США с 1990 г. «The Electronic Trib» [100, с. 22] В России первой сетевой общественно-политической газетой была «Газета.Ру», вышедшая в 1999 г. О том, как готовилось это издание, рассказал ее главный редактор Антон Носик [101]. С тех пор мы наблюдаем картину, когда с каждым годом число печатных изданий в стране сокращается, а число зарегистрированных сетевых СМИ увеличивается, и аудитория их значи-

тельно превышает аудиторию печатных средств массовой информации.

В своем развитии сетевые СМИ прошли несколько этапов. Первый этап Web1.0 (1990–2000) характеризуется тем, что в этот период расширилась сеть информационных ресурсов и пользователь получил возможность знакомиться со всей информацией, размещенной в сети Интернет. Создатель Всемирной паутины Тимоти Бернерс-Ли рассматривал Web 1.0 как «Интернет только для чтения». О том, как создавалась Всемирная паутина, Бернерс-Ли рассказал в 1999 г. в своей книге «Плетя паутину: истоки и будущее Всемирной паутины» [102]. В этой книге Т. Бернерс-Ли обозначил ряд принципов, важных для деятельности Паутины. Интересно отметить, что наряду с техническими требованиями, он обозначил и такое: ученые-компьютерщики несут моральную ответственность за предоставляемый контент.

Второй этап Web 2.0 (2001–2010) расширил возможности сетевых СМИ. Пользователь не только получает информацию, но становится также ее создателем, например, с помощью блогов. Слово блог стало широко употребляться с 2008 г. [103]. Под блогом обычно понимается «периодически обновляемая лента сообщений, где заметки (посты) располагаются в обратном хронологическом порядке и могут быть прокомментированы читателем» [104, с. 18]. Бурно развивающееся в этот период блогерство стали называть «любительской» или «гражданской» журналистикой. Обозреватель интернет-блогов А. Васильев писал по поводу этого явления: «Движение блогеров — это как бы возвращение пользователей Интернета к идеалам первопроходцев «Всемирной паутины», мечтавших о свободном обмене мнениями, демократии без вмешательства коммерческих организа-

ций, которым во второй половине 90-х годов удалось-таки поставить Интернет себе на службу» [105, с. 58].

Блогеры публикуют в Интернете свои личные дневники, излагают свое мнение о событиях, давая им собственную оценку. Они самостоятельны в выборе тем и первоначально не получали никаких дивидендов от своей деятельности. Но со временем блогерство стало приносить доход, и немалый, за счет рекламы. Все зависело от количества подписчиков. Отмечая положительные стороны блогерства, а это прежде всего привлечение пользователей к наполнению контента, к уточнению информации, сообщенной другими людьми, многие исследователи отмечают и негативные стороны этого процесса, в котором «вопросы надежности [информации], ее достоверности, объективности не рассматриваются» [103].

Возможность регулярно, напрямую обращаться к аудитории оценили многие политики, деятели культуры, звезды шоу-бизнеса, спортсмены, то есть те люди, для которых медийность является непременным условием их профессиональной деятельности. Теперь они могли не бояться, что журналисты исказят их мысли, опустят «неудобные» ответы, что случалось довольно часто при публикации интервью. Блогерство стало популярным и в среде журналистов-профессионалов, правда, не сразу. Как вспоминает основатель сервиса Media Digger Тимофей Плещ, «когда я сам был журналистом, руководство в принудительном порядке только начинало спускать выполняемые нехотя указания, обязывающие самых видных корреспондентов заводить себе аккаунты в Twitter. Сейчас же малое количество подписчиков может послужить причиной отказа в принятии на работу, ведь СМИ хотят видеть в своих рядах тех, кто может привести за собой аудиторию» [106].

Со временем журналисты высоко оценили этот вид творчества, указав причины такого отношения:

- возможность опубликовать дополнительный материал, который не «уместился» в традиционных СМИ;
- независимость от редакционной политики и даже от органов власти; –возможность самовыражения;
- возможность оперативно обмениваться мнениями со своей аудиторией, учитывать и вносить в материал «подсказки» аудитории;
- неформальный стиль общения с аудиторией;
- жанровое разнообразие.

Важно отметить, что блогжурналистику считают альтернативным средством профессионального представления информации, которое не уничтожает традиционных средств и форм, а дополняет их. В то же время блогжурналистика в отличие от гражданской, или любительской журналистики (то есть блогов, подготовленных непрофессионалами), выполняет все журналистские функции, понимает свою ответственность перед обществом, действует в рамках Закона о СМИ [107].

Большой интерес к блоггерству проявился и у бизнес-среды. «Потенциальный покупатель всегда может прочесть отзывы других людей о качестве товара, заглянув в Интернет. Более того, «сегодня отдельный человек обладает поразительной мощностью воздействия на общественные настроения. Обычный блоггер или участник сетевого сообщества может испортить репутацию компании с многомиллионным оборотом» [108, с. 3]. Поэтому не случайно наряду с «Public Relations» существует «Blogger Relations», задача которого — установление позитивных отношений с блоггерами и создание положительного образа компании. Нужно отметить также, что материалы блогов, социальных сетей,

корпоративных сайтов — это богатый источник информации для журналистов. С другой стороны, блогер в отличие от журналистов, работающих в зарегистрированных СМИ, не несет ответственности за публикацию непроверенных фактов, за их неточность, подтасовку, порой невольную, порой сознательную.

В 2014 г. была предпринята попытка законодательно урегулировать деятельность блогеров (Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ). По этому закону блог с ежедневной аудиторией свыше 3 тыс. пользователей приравнивался к средству массовой информации. Поэтому блогер должен был зарегистрироваться в реестре Роскомнадзора (фамилия, адрес) и подчиняться всем требованиям, предъявляемым к СМИ. Он должен был проверять факты перед публикацией, устранять неточности. К тому же его обязали нести ответственность за комментарии пользователей и оперативно удалять со своей страницы всё, что запрещено Законом о СМИ (ненормативная лексика, клевета, оскорбления, подстрекательства и т. п.).

Этот закон вызвал много нареканий и со стороны блогеров, и со стороны общественности. Говорили о том, что возрождается цензура, нарушаются гражданские права человека, ограничивается свобода слова и пр., плюс к тому размытость некоторых норм, повторение статей ряда ранее принятых законов и законодательных актов. Все эти споры привели к тому, что закон практически не работал. В результате, Федеральным законом № 276-ФЗ от 29 июля 2017 г. он был представлен как утративший силу. Однако поскольку вопрос о качестве контента блогеров оставался довольно острым, в стране в 2019 г. была создана Национальная ассоциация блогеров, цель которой — «представление и защита общих интересов». Предполагалось, что она будет тесно со-

трудничать с Коллегией по жалобам на прессу, выпускать литературу для блогеров по этико-правовым вопросам, обсуждать и решать проблемы блогерства.

Третий этап — Web 3.0 (2011–2020) — иногда называют эпохой «семантической» сети. Теперь компьютеры распознают информацию, не только введенную в поисковую строку; они способны различить смысл этих запросов и предложить свои варианты, то есть машина может читать контент, руководствуясь «человеческими правилами». Специальные алгоритмы поисковых систем и социальных сетей могут анализировать запросы пользователя (какие сайты посещает, с кем общается, что запрашивает, как комментирует и т. п.) и в соответствии с этим предлагать ему нужную информацию. «Но главное, чему служит алгоритм, — персонализация адресной рекламы. И Google, и Facebook могут обещать рекламодателю точное попадание (тогда как в СМИ рекламодатель накрывает цель коврами бомбардировками)» [109]. В то же время, это может быть и чрезвычайно опасным для человека, потому что Интернет будет показывать пользователю только то, что ему нравится, «помещая его в герметичный кокон и таким образом лишая возможности новых открытий». Интернет «перестает быть окном в мир и оказывается, по сути, приятным зеркалом, а то и тюрьмой сознания, где дружеские рекомендации превращаются в решетки и засовы» [Там же]. Об этой опасности много говорит также американский ученый Эли Паризер в своей книге «За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас?», изданной на русском языке в 2012 г.

Существуют прогнозы развития четвертого этапа — Web 4.0 (2021–2030), — который получил название «прагматичный Web». Считают, что основной функцией этого этапа будет «интеллектуальная», базирующаяся на развитии ис-

кусственного интеллекта. У каждого пользователя появится персональный электронный агент (e-agent), связаться с которым можно будет в любое время суток из любой геолокации посредством отпечатка пальца, голоса или черт лица. Электронный агент создаст пользователю максимальные удобства для работы в сети, быстро и безошибочно обеспечит доступ ко всему хранилищу человеческих знаний, подберет нужную литературу, переведет материалы с любого на любой из 6 тыс. языков.

5.2. «Предупреждение» Жана Бодрийера

Нет сомнения в том, что техническая мысль человека в развитии Всемирной паутины на этом не остановится. Однако наряду с перечислением тех возможностей, которые человек получит, раздаются и тревожные голоса. Например, погоня за оперативностью снижает цену ошибки. И не только грамматической (здесь техника может помочь). Нет времени проверить факты. В своем стремлении удовлетворить запросы аудитории новые медиа снижают уровень анализа при освещении сложных тем, предпочитая развлекательность и поверхностность. Бесчисленное количество каналов, программ, сайтов создают информационный шум, иллюзию увеличения объема информации. На самом деле, количество информации остается на прежнем уровне, она просто тиражируется, создавая все новые и новые копии уже известного. Но шум ведет, во-первых, к пресыщению информацией, когда человек начинает ее отвергать (эффект бумеранга). Во-вторых, информация, выдаваемая по частям из-за стремления к краткости, может способствовать формированию у человека мозаичной картины действительности, имеющей мало общего с реально-

стью. В-третьих, велика вероятность возникновения феномена «виртуализации событий», когда за факты выдаются фактоиды — ложные сведения. В результате, человек начинает жить в другом мире. Это явление было отмечено еще в конце XX века. Новые медиа значительно усилили подобный эффект. Воссоздавая как бы полноценную реальность, они постепенно перемещают человека в виртуальный мир, окружая его виртуальными друзьями, единомышленниками, людьми со сходными с ним интересами, создавая видимость коммуникации. И этот мир становится для человека гораздо полнее, насыщеннее, чем реальный. Он дает возможность человеку удовлетворить его базовые потребности, например такие, как всеобщее уважение, известность. Не это ли толкает людей сделать селфи в опасном для жизни месте, фиксировать каждый свой шаг, рассказывать о «достижениях» и таким путем повысить, хотя бы виртуально, свой социальный статус? Иногда говорят, что новые медиа играют роль «социального лифта». Здесь для человека не существует никаких барьеров (интеллектуальных, имущественных, сословных и т. п.) для повышения статуса.

Французский философ, социолог, культуролог Жан Бодрийяр (1929–2007) в ряде своих работ, написанных в жанре философских эссе, предупреждал о том, что новые медиа «провоцируют легкомысленное отношение к жизни», формируют у людей «мировоззрение-light». А поколение людей, воспитанных в этих условиях, он называл «поколением-light». Наслаждение для них становится актом коммуникации («Прозрачность зла», 1990). Связано это с тем, по мнению ученого, что в современном постиндустриальном обществе изменилось осознание человеком своего «Я». Компьютерная революция подвела его к вопросу: человек я или машина? Генетическая революция за-

ставила человека задуматься: человек я или виртуальный клон? Сексуальная революция поставила его перед выбором: каков мой пол, мужчина я или женщина? Социальная революция, дав человеку право на свободу и собственную волю, заставила его задуматься, в чем же заключается эта воля. Ж. Бодрийяр, по сути дела, хоронит «социальное», понимаемое им как способность жить для других («В тени молчаливого большинства или конец социального», 1982). По мнению философа, современный человек живет в виртуальном мире, сформированном под влиянием СМИ, Интернета, рекламы, шоу-представлений. Он смотрит на жизнь других людей как на спектакль, и собственная жизнь — это тоже один большой спектакль. В работе «Симулякры и симуляции» (1981) Бодрийяр показывает, как симулякры — ложные понятия, укоренившиеся в общественном сознании, имитация несуществующего вытесняют реальную действительность, заменяют ее виртуальной — Матрицей реального мира. Проявления симуляции можно наблюдать во всех областях человеческой деятельности: в общественных отношениях, поведенческих актах, в политике, медицине, психоанализе, религии. «Особенно большое значение имеют средства информации, ибо они самым существенным образом влияют на структуру морального сознания и характер применения моральных норм и принципов». Ж. Бодрийяр, говоря о СМИ, употребляет слово *медиум* (средний, посредник), определяя этим функцию посредничества и носителя информации. Медиа формируют псевдособытия, псевдоисторию, псевдокультуру. «Предстоящее потреблению событие отфильтровывается, дробится, перерабатывается целым индустриальным конвейером производства». Ученый задается вопросом, до каких пределов может дойти эта виртуализация, не ставит ли она под во-

прос само существование человека, сохранение его идентичности [110]. Вместе с изменением человека Ж. Бодрийяр указывал и на изменение, «взаимное заражение» всех сфер его жизни: «Политика не сосредоточена более в политике, она затрагивает все сферы: экономику, науку, искусство, спорт... И спорт уже вышел за рамки спорта — он в бизнесе, в сексе, в политике, в общем стиле достижений. Все затронуто спортивным коэффициентом превосходства, усилия, рекорда инфантильного самопреодоления. Каждая категория, таким образом, совершает базовый переход, при котором ее сущность разжижается в растворе системы до гомеопатических, а затем до микроскопических доз, вплоть до полного исчезновения, оставляя лишь неуловимый след, словно на поверхности воды».

Ж. Бодрийяр не раз подвергался критике за мрачные прогнозы, за то, что в будущем он не видит плюсов, гиперболизирует недостатки. Считали, что всё это свидетельствует, скорее, о растерянности ученого перед лицом технологических перемен. Об этом, в частности, говорит Д. Кельнер в своей книге «Медиа и культура» [111]. Современные ученые не так мрачно смотрят на будущее человечества. Однако, признавая неотвратимость технического прогресса (цифровизация, искусственный интеллект, замена человека роботами в ряде областей деятельности и т. д.), превратившего в реальность самые смелые предсказания писателей-фантастов, они предостерегают от опасности того пути, который приведет человека в Матрицу. И в этом несомненная ценность философских эссе Жана Бодрийяра.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

Новое время — новая журналистика

Распространение Интернета как платформы для коммуникации повлекло за собой изменение журналистики, всех ее направлений:

- 1) производство, структура и содержание;
- 2) изменение особенностей работы журналиста и появление новых профессий;
- 3) изменение аудитории (прежде всего, нужно сказать, что возросла роль технологий в каждом из направлений).

Постоянно совершенствуются передающие и принимающие устройства. Инженер по профессии и один из основателей корпорации Intel, занимающейся вычислительной техникой, Гордон Мур (G. Moore) в результате эмпирических наблюдений пришел к выводу, который известен сейчас как Закон Мура; он гласит: количество транзисторов, размещаемых на кристалле интегральной схемы, удваивается каждые 24 месяца. То есть компьютеры становятся быстрее в два раза каждые два года [112]. Уменьшаются размеры компьютеров, вплоть до карманных. В связи с этим изменился режим потребления журналистского контента. Человек теперь не привязан к определенным часам выпуска информации и к определенному помещению, где стоит телевизор или стационарный компьютер. Пользователь может знакомиться с новостями 24 часа в сутки буквально на ходу. Контент становится более дифференцированным. В традиционных СМИ это было характерно в основном для журналов. В новых медиа вместо универсальных программ, предназначенных для широкой аудитории, появляются программы и целые каналы узкоспециальной направленности.

сти. Мобильные приемные устройства дают возможность удовлетворять информационные запросы даже отдельного человека. Вместе с таргетированной рекламой (target, англ. «цель») появился таргетированный контент.

В новых СМИ уменьшился размер текста, иногда говорят, что новая журналистика — это журналистика заголовков. Предпочтительнее, чтобы текст располагался на одном экране. Большой текст — лонгрид (long read) труден для усвоения с экрана и требует использования возможностей разных медиаплатформ. Изменился и формат материалов. Бизнес-цели в значительной степени изменили интересы СМИ. Их идеологическая направленность, превалировавшая в советский период, теперь уступила место развлекательности, повышению рейтинга любой ценой и, следовательно, увеличению притока рекламы. Бизнес-цели способствовали также «бильдизации» СМИ (bild, нем. — картина, рисунок), в том числе и традиционных. Увеличивается количество фото- и видеоматериалов. В связи с этим перестраивается и организационная структура редакций. Появились службы дизайна, веб-дизайна, инфографики и др.

В новых условиях изменились и особенности работы журналиста. Он должен хорошо владеть техникой, которая облегчает поиск информации, ее обработку, хранение, пересылку и распространение. А для этого существуют мобильные телефоны, ноутбуки, карманные компьютеры, цифровые камеры, цифровые диктофоны, USB-устройства для хранения информации, электронная почта, беспроводной способ пересылки материалов в редакцию и др.

Мультимедийного журналиста можно назвать многостаночником. Об одном и том же факте он способен оперативно отослать текст в печатное издание, на радио (учитывая особенности аудиовосприятия), на телевиде-

ние и в сетевые СМИ, используя видеоматериалы и другие средства мультимедийности. Погоня за оперативностью нередко вредит качеству информации. Как пишет журналист и медиааналитик Василий Гатов, «сетевые, «новые» СМИ относятся к недостоверности намного спокойнее [чем традиционные] — у них нет родовой травмы высокой стоимости дистрибуции, в том числе дистрибуции опровержения... Нельзя не заметить, что ценность достоверности информации, распространенной массмедиа, заменяется антиценностью актуальности, скорости, своевременности сообщения» [113, с. 252]. Говоря о «новых медиа», исследователи подчеркивают, что в сетевой журналистике предпочтение отдается не человеку с базовым журналистским образованием, а специалисту в какой-либо другой области, профессионалу, к рассуждениям которого люди будут относиться с доверием.

Аудитория новых медиа тоже подверглась изменению. Пользователи зачастую становятся полноправными участниками коммуникационного процесса (например, в случае интерактивного обсуждения проблем), соавторами телепрограмм, когда очевидцы посылают в редакции отснятые эпизоды или сообщения о событиях. Кроме того, определенный сегмент аудитории новых медиа не довольствуется только потреблением контента, он активно откликается на него, порой довольно эмоционально: ставит «лайки», восхищается, негодует, отмечает неточности, упрекает автора в некомпетентности, добавляет свои факты и т.п. Это явление обозначено термином *просьюмеризм* и суть его заключается в том, что потребитель (*consumer*) одновременно может быть и производителем (*producer*). Проще говоря, *просьюмер* — это покупатель, который, приобретая электронную или бытовую технику, берет отвертку в руки и

усовершенствует купленную вещь. Применительно к медиа этот термин стал употреблять футуролог Элвин Тоффлер в книге «Третья волна» (1980). По его мнению, потребитель, оценивая информацию, даже может в ответ создавать свой контент. Развитие цифровых технологий, в частности, Web 2.0, описанное Тимом О'Рейли в статье «What is Web 2.0», дало толчок к широкому распространению просьюмеризма в интернет-среде. Теперь улучшение контента пользователем воспринимается как норма.

Сравнивая традиционные и «новые» СМИ, мы видим большую разницу в работе редакции, поиске материала, в его обработке, формах подачи, в условиях работы журналиста и т. д. Но неизменными и общими остаются принципы работы СМИ, неукоснительное соблюдение журналистской этики, понимание журналистами своей социальной роли.

Примечания

1. Большаков, Н. В. Сочетать, комбинировать, смешивать: качественные и количественные методы в современной исследовательской практике // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2017. — № 3. — С. 21–29.

2. Прохоров, Е. П. Введение в теорию журналистики. — 5-е изд. — Москва: Аспект Пресс, Московский университет, 2003. — 367 с.

3. Pavlic, J. V. New Media Journalism // 21st Century Communication. A References Handbook. Volume 1 & 2./Ed. By William F. Eadie. — Los Angeles, 2009.

4. Леонтьев, А. А. Общение как социально-психологическая проблема // Социальная психология: Краткий очерк / Под ред. Г. К. Предвечного и Ю. А. Шерковина. — Москва: Политиздат, 1975. — 319 с

5. Слово и музыка. Материалы научн. конференции. — Москва, 2008. — URL: [https:// studopedia.ru/9_173532_komparativistika.html](https://studopedia.ru/9_173532_komparativistika.html).

6. Охотников, О. В. Компаративистика // Философская энциклопедия. — URL: www.вокабула.рф/энциклопедии/философская-энциклопедия/компаративистика.

7. Толстанова, М. В. Философская компаративистика / М. В. Толстанова, Н. И. Петякшева: учеб. пособие. — Москва: РУДН, 2008. — 146 с.

8. Котенко, В. П. Компаративистика — новое направление методологии анализа научной деятельности и развития науки // Библиосера, 2007. — Вып. № 3. — С. 21–27.

9. Что и как изучает философская компаративистика. Лекция. — URL: [http:// refodb.ru/look/1511726.html](http://refodb.ru/look/1511726.html).

10. Кром, М. М. Введение в историческую компаративистику. — Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. — 248 с.

11. Колесников, А. Кросскультурное взаимодействие в современном мире и диалог. — URL: http://www.anthropologi.ru/ru/texts/russia_01/html

12. Колесников, А. Философия компаративистики в истории идей. — URL: <http://ideashistory.org.ru/pdfs/03kolesnikov.pdf>

13. Жирмунский, В. М. Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. — Т. XIX; Вып. 3. — Москва, 1960. — С. 177–186.

14. Веселовский, А. Н. Избранное: историческая поэтика. — Москва: РОССПЭН, 2006 (Российские Пропилеи). — 685 с.

15. Comparative Literature. Proceedings of the Second Congress of the International Comparative Literature Association at the University of North Carolina. September 8–12, 1958/Ed. by W. P. Friederich. — Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1959. — 2 vols. (UNO Studies in Comparative Literature. — № 23–24.

16. Bassnett, Susan. Comparative Literature: A Critical Introduction. Paris, 1993. — 192 p. (Сравнительное литературоведение. Критическое введение).

17. Проблемы современного сравнительного литературоведения: сб. ст. — Москва: ИМЛИ РАН, 2004. — 93 с.

18. Madelenat, D. Comment écrire l'histoire de la littérature comparée // Revue de littérature comparée. — 2000. — № 3.

19. Schenning, U. Culture et interculturalité // Dictionnaire International des Termes Littéraires (24 juin, 2003). — URL: http://www.ditl.info/art/definition.php?term_2331.

20. Virk, T. Comparative Literature versus Comparative Cultural Studies. Translated from the Slovenian by Kristof Jacek Kozak // CLCWeb Library of Research and Information... (Decembr, 2003). — URL: <http://clcwebjournal.lib.purdue.edu/clcweb03-4/virk03.html>.

21. Spivak, G. Death of a Discipin. — N. Y., 2003. — 136 p.

22. Осокин, М. Ю. О риторике кризиса современной литературной компаративистики // Вопросы филологии. — 2005. — № 3. — С. 58–66.

23. НЛО. — 1996. — № 17.

24. Романова, Ю. Как говорить сравнительно о сравнительном литературоведении. — URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/118/r52.html>.

25. Kalifa, Dominique et Vaillant, Alain. Pour une histoire culturelle et littéraire de la presse française au XIX siècle // Le Temps des Médias. — 2004. — № 2, printemps, 2004. — URL: <http://www.histoiredesmedias.com/> — Presentation de la revue. html.

26. Макарова, П. А. Литературная обстановка во Франции в 1840–1850 гг.: зарождение романа-фельетона и возникновение популярной беллетристики. — URL: <http://vestnik.journ.msu.ru/books/2017/3>.

27. Проблемы журналистики. — Вып. 5. — Ленинград: Изд-во Ленинград. ун-та, 1975. — 125 с.

28. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — Москва: Изд-во АН СССР, 1953–1959. — Т. 11.

29. Герцен, А. И. Собр. соч.: в 30 т. — Москва: Изд-во АН СССР, 1954–1966. — Т. 7.

30. Дима, А. Принципы сравнительного литературоведения. — Москва: Прогресс, 1977. — 229 с.

31. Villemain, A.-F. Etudes de littérature ancienne et étrangère. — Paris 1848. — 402 p.

32. Веселовский, А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха XI–XVII вв. — Санкт-Петербург, 1889. — 498 с.
33. Зубарева, В. Перечитывая А. Н. Веселовского в XXI веке // Вопросы литературы. — 2013. — № 5. — С. 47–81.
34. Книга хождений: Записки русских путешественников XII–XV веков. — Москва: Сов. Россия, 1984. — 448 с.
35. Гуминский, В. М. Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе. — Москва, 1979. — 184 с.
36. Гуминский, В. М. Открытие мира, или Путешествия и странники. — Москва: Современник, 1987. — 284 с.
37. Карамзин, Н. М. Письма русского путешественника. — Ленинград: Наука, 1987. — 717 с.
38. Лотман, Ю. Сотворение Карамзина. — Москва: Книга, 1987. — 336 с.
39. Ключевский, В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. — Санкт-Петербург: Университетская типография, 1866. — URL: [https:// gigabaza.ru/doc/166735-p28.html](https://gigabaza.ru/doc/166735-p28.html).
40. Герберштейн о Московии. Записки о Московитских делах. — URL: [http:// www.bibliotekar.ru/rus/26.htm](http://www.bibliotekar.ru/rus/26.htm).
41. Карточка проекта. Информация из итогового отчета. — URL: [http:// grant.rfh.ru/Lsys/a/?colfilter=0&context=_anonymous-&pgoffset=0&ro_filter=_main.enrfh_tasks.surecordidw%20%3D%201HWdGOOIhKIyOAO16w2aLb00](http://grant.rfh.ru/Lsys/a/?colfilter=0&context=_anonymous-&pgoffset=0&ro_filter=_main.enrfh_tasks.surecordidw%20%3D%201HWdGOOIhKIyOAO16w2aLb00).
42. Яковлев, Н. Н. Памяти А. З. Манфреда. Уильям Питт-младший и французская революция // Россия и Европа. — 2002. — № 1. — С. 24–32.
43. Вестник Европы, 1829, кн. 11.
44. Corbet, Ch. A l'ère des nationalisms. L'opinion française face à inconnue Russe (1799–1894). — Paris, 1967. — 490 p. (В эпоху национализма. Французское общественное мнение перед лицом неизвестной России).

45. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — Москва: Изд-во АН СССР, 1953–1959. — Т. 6.

46. Дюма, А. Путевые впечатления. В России. в 3 т. — Москва, 1993; Берлиоз, Г. Мемуары. — Москва, 1967; Готье, Т. Путешествие в Россию. — Москва, 1988.

47. Третьякова, Е. А. К вопросу о роли перевода в литературном и языковом процессе. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-rol-i-perevoda-v-literaturnom-i-yazykovom-protse>.

48. Чернышевский, Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. — Москва: ГИХЛ, 1939–1953. — Т. 4.

49. Дюришин, Д. Теория сравнительного изучения литературы / Пер со словац. — Москва: Прогресс, 1979. — 317 с.

50. Милюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры. — Т. 3 «Национализм и европеизм». — Москва: Изд. группа «Прогресс», «Культура», редакция газеты «Труд», 1995. — 480 с.

51. Шамин, С. М. Куранты времени правления Федора Алексеевича: к проблеме заинтересованности московского правительства в оперативной информации о европейских событиях 1670–1780 гг.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Москва, 2003. — 25 с.

52. Мильчина, В. Международная конференция «Французы в интеллектуальной и научной жизни России XIX века»; Париж, 16–17 сентября 2011 г. // НЛО. — 2012. — № 1. — С. 297–409.

53. Проблемы сравнительного литературоведения в трудах Н. И. Конрада // Сравнительный метод в литературоведении XX–XXI вв. — URL: <https://poisk-ru.ru/s28661t5.html>.

54. В Бристольском университете (Великобритания) был запущен проект «Французский язык в России», руководил которым профессор Дерек Оффорд. В 2012 г. в рамках проекта в Бристоле состоялась конференция, посвященная этой теме. Материалы конференции опубликованы в двух томах: Т. 1. Язык русской элиты; Т. 2. Языковые позиции и идентичность (French and Russian in Imperial Russia; Ed. By D. Offord, L. Ryazanova-Clarke, V. Rjeoutski, G. Argent. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. — Vol. 1–2. — 270 p.

55. Томашевский, Б. В. Пушкин и французская литература // Литературное наследство. — Т. 31–32. — Москва: Журнально-газетное объединение, 1937. — С. 1–76.

56. Теория перевода: учебник. — Москва: Изд-во МГУ, 2007. — 544 с.

57. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. — Т. 7. — Москва: ГИХЛ, 1962.

58. Об этом: Duron J. Langue française langue humaine. — Paris, 1963. — 187 p. (Французский язык — язык всего человечества).

59. Алексеев, М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. — Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. — 216 с.

60. Потапова, З. М. Русско-итальянские литературные связи. Вторая половина XIX в. — Москва: Наука, 1973. — 288 с.

61. Московский вестник, 1827, кн. 3, отд. 1.

62. Ерофеев, Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских 1825–1853 гг. — Москва: Наука, 1982. — 320 с.

63. Рехо, К. Русская классика и японская литература. — Москва: Художественная литература, 1987. — 354 с.

64. Весновская, И. С. Перевод и его роль во взаимодействии культур разных этносов / И. С. Весновская, Н. А. Клущин, Н. Б. Шестакова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2013. — № 1 (2). — С. 41–44.

65. Жеребин, А. И. Тайный код русской германистики (к истории сравнительного метода) // Русская германистика: ежегодник Российского союза германистов. — Т. 1. — URL: https://bookz.ru/authors/sbornik-statei/russkaa-_055/page-2-russkaa-_055.html.

66. Белинский, В. Г. Ничто о ничем или отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) русской литературы // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — Москва: Изд-во АН СССР, 1953. — Т. 2.

67. Хапаева, Д. Импорт идей и трансляция знаний. Герцоги Пятой республики // НЛО. — 2004. — № 3. — С. 8–43.

68. Басснетт, С. Истоки и развитие переводоведения в 1975–2016 гг. // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2016. Вып. 4. — С. 31–44.

69. Миньяр-Белоручев, Р. К. О функциях переводчика // Информационно-коммуникативные аспекты перевода. — Горький: Горьков. гос. пед. ин-т им. М. Горького, 1986. — С. 56–62.

70. Чичерин, Б. Н. Курс государственной науки. — Ч. II. — Москва, 1896. — 432 с.

71. Чичерин, Б. Н. О народном представительстве. — Москва, 1899. — 838 с.

72. Семенов, В. Ф. «Памфлетная война» Долгого парламента с Карлом I // Ученые записки МОПИ. — Т. XVI. — Вып. 1. — Москва, 1950. — С. 3–23.

73. Scènes populaires dessinée à la plume par Henri Monnier. Ornées d'un portrait de m. Prudhomme et fac-simile

de sa signature. Paris, 1830. — 637 p. (Народные сцены, описанные Анри Моннье. Украшенные портретом г. Прюдхома и его факсимильной подписью).

74. Публицистика — передний край литературы. — URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/11922934>.

75. Большой юридический словарь/под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. — Москва: Термика: Инфра-М, 2004. — URL: <http://gufo.me/dict/law/пасквиль>.

76. Hatin, E. *Bibliographie historique et critique de la presse periodique française*. Paris, 1866. — 657 p. (Гатен, Е. Историческая и критическая библиография французской периодической печати).

77. Вороненкова, Г. Ф. Средства массовой информации Германии. — URL: gendocs.ru/v4213/лекции.

78. Upham, A. *French influence in English Literature*. — N. Y., 1908. — 572 p. (Уфам, А. Французское влияние в английской литературе).

79. Березкина, В. И. Формирование и пути развития жанра эссе в английской литературе XVII века: учеб. пособие. — Днепропетровск: ДГУ, 1984. — 116 с.

80. Кайда, Л. Г. Эссе как жанр в литературе и публицистике. — URL: <https://cyberlenika.ru/article/n/esse-kak-zhanr-v-literature-i-publitsistike>.

81. Зацепин, К.. Эссе: от философии к литературе. — URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/4/esse-ot-filosofil-k-literature.html>.

82. Эпштейн, М. Бог деталей. Эссеистика 1977–1988. — Москва: Изд-во Р. Элинина, 1998. — 246 с.

83. Шубинский, В. Взгляд и некто. — URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2001/6/vzglyad-i-nekto.html>.

84. Цит. по: М. Эпштейн. Эссеизм — жанровая форма слабого знания, возрождение мифологической целостно-

сти в культуре Нового времени. Эссеизация литературных жанров и философского метода. — URL: [https:// www.topos.ru/article/2868](https://www.topos.ru/article/2868).

85. Носкова, С. Э. Дискурс эмотивных малых форм. — URL: [http:// tverlinqua.ru/archive/002/02_3_02.htm](http://tverlinqua.ru/archive/002/02_3_02.htm).

86. Кандидатские диссертации: Перевозов, Д. Н. Эссеизация текстов как выражение персонального журнализма в современной российской публицистике; Зацепин, К. А. Эссе как коммуникативная форма: проблемы чтения. На материале современной эссеистики; Дмитровский, А. Л. Эссе как жанр публицистики; Егорова, Н. В. Эссе в современной мордовской прозе: проблемы становления и развития жанра; Горпиняк, П. А. Публицистика И. А. Бродского; Ратькина, Т. Э. Литературная критика и эссеистика А. Д. Синаевского в отечественной и зарубежной печати; Соломатина, С. Ю. Художественное своеобразие натурфилософской эссеистики Генри Дэвида Торо; Устинова, И. В. Осмысление кризиса культуры в эссеистике Н. А. Бердяева и Мигеля де Унамуно; Аничкина, Н. А. Индивидуальные стилистические особенности эссе Дж. Оруэлла и проблема их сохранения при переводе на русский язык. Докторские диссертации: Кайда, Л. Г. Авторская позиция в публицистике (функционально-стилистическое исследование современных газетных жанров); Руженцева, Н. А. Прагматическая речевая организация русского литературно-критического эссе XX века; Удлер, Э. М. Становление и эволюция документально-публицистического жанра «невольничьего повествования» в американской журналистике.

87. Киреев, П. С. Новые медиа в современном информационно-коммуникационном пространстве // Социология. — 2010. — № 2. — С. 115–128.

88. Игнатченко, И. Б. Несистемная оппозиция во Франции в 30-е гг. XIX века // Вопросы истории. — 2013. — № 7. — С. 130–142.

89. Гавра, Д. П., Науменко, К. А. Концепт «медиасистема» в современной теории массовых коммуникаций // Электронный научный журнал «Медиаскоп». — 2020. — Вып. 1. — URL: [http:// www.mediascop.ru/2611](http://www.mediascop.ru/2611).

90. Новая российская энциклопедия: в 12 т. — Т. XI. — Москва: Энциклопедия, 2003.

91. Дедюхина, А. Д. Развитие и функционирование структуры медиасистемы и ее влияние на содержание печатных СМИ на примере Великобритании, Германии и Италии. — URL: [https:// www.dissercat.com/content/razvitiie-i-funktsionirovanie-struktury-mediasistemy-i-ee-vliyanie-na-soderzhanie-pechatnykh-smi](https://www.dissercat.com/content/razvitiie-i-funktsionirovanie-struktury-mediasistemy-i-ee-vliyanie-na-soderzhanie-pechatnykh-smi).

92. Hallin, D. Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics/D. Hallin, P. Mancini. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — 338 p. (Сравнение медиасистем: три модели медиа и политики).

93. Last Rights: Revisiting Four Theories of the Press; ed. J. C. Nerone. — Illinois, USA: University of Illinois Press, 1995. (Последние права: пересмотр четырех теорий прессы).

94. Современная сравнительная медиалогия в отрыве от социологии и не только. — URL: [http:// docplayer.ru/32701357-Sovremennaya-sravnitel'naya-medialogiya-v-otryve-ot-mediasociologii-i-ne-tolko.html](http://docplayer.ru/32701357-Sovremennaya-sravnitel'naya-medialogiya-v-otryve-ot-mediasociologii-i-ne-tolko.html).

95. Blum, R. (Baussteine zu einer Theorie der Mediensysteme, en Medienwissenschaft Schweiz, 2005); C. Sparks (Comparing Transitions Poland, Russia, China, 2006); Oates, S. (The Neo-Soviet Model of the Media, 2007); Jakubowicz, K. (The Eastern-European Post-Communist Media System: An

Introduction // European Media Governance: National and Regional Dimensions/ed. By G. Terzis. — Bristol; Chicago: Intellect Books, 2007. — P. 303–312); J. Hardy (Western mediasystems, 2008); Dobek-Ostrowska, B. & Glowacki, M., ed. (Comparing Media Systems in Central Europe — Between Commercialization and Politicization, 2008); Voltmer, K. (Comparing media systems in new democracies: East meets South meets West, 2008); Дедюхина, А. Д. (Развитие и функционирование **структуры** медиасистемы и ее влияние на содержание печатных СМИ: на примере Великобритании, Германии и Италии, 2010); Curran, J. (Media systems and political information environment Acrossnational comparison, 2010); Вартанова, Е. (Модель российских СМИ в контексте постсоветской динамики, 2011); Hadland, A. (Africanizing Three Models of Media and Politics, 2011); Chadwick, A. (The Hybrid Media System: Politics and Power, 2013) и др.

96. Процессы трансформации медиасистем. — URL: [https:// ru.qwe.wiki/wiki/Transformation_processes](https://ru.qwe.wiki/wiki/Transformation_processes).

97. Media systems Beyond the Western World / Ed. by Daniel C. Hallin and Paolo Mancini. — Cambridge, 2012. — 368 p. (Медиасистемы за пределами западного мира).

98. Землянова, Л. М. Теоретические принципы сравнительного анализа медийных систем в трудах Даниэла Халлина и Паоло Манчини, их адептов и оппонентов. — URL: www.mediascop.ru/node/1388

99. Бодрунова, С. Медиакомпаративистика в отрыве от медиасоциологии и системного анализа // Актуальные проблемы медиаисследований. — Москва: МГУ, 2016. — С. 35–38.

100. Акопов, А. И. Типологическая характеристика сетевых периодических изданий Интернета // Акценты: Альманах / Воронеж. гос. ун-т. — 1999. — № 1–2. — С. 22–27.

101. Носик, А. СМИ русского Интернета: теория и практика // Интернет для журналиста/под ред. А. Носика, С. Кузнецова. — Москва: Интернет-гильдия Медиасоюза, 2001. — С. 6–22.

102. Berners-Lee, T. Weaving the Web: Origins and Future of the World Wide Web. Harper. — San Francisco, 1999. (Плетя паутину. Истоки и будущее Всемирной паутины).

103. Павлик, Дж. Журналистика новых медиа. — URL: https://peepsujourn.narod.ru/vestnik.Vip_8/voz_newmedia.htm.

104. Алексеева, А. О. Новые интерактивные медиа в контексте теории информационного общества: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — Москва, 2006.

105. Цит. по: Калмыков, А. А., Коханова, Л. А. Интернет-журналистика. Теоретические основы. — Москва: Академия медиаиндустрии, 2018. — 370 с.

106. Без перьев: технологии, которые изменили журналистику до неузнаваемости. — URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/337061-bez-perev-+tehnologii-kotorye-izmenili-zhurnalistiku-do-neuznavaemosti>.

107. Попов, А. А., Кожемякин, Е. А. Журналистский блоггинг как новая форма профессиональной журналистики: опыт сравнения с «традиционной» журналистикой. — URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1645195861&tld=ru&lanq=ru&name=Kozhemyakin_Zhurnalistskiy.pdf&text=попов а. а.%2С кожемякин е. а.

108. Мак Коннел, Б. Эпидемия контента. Маркетинг в социальных сетях и блогосфере/Б. МакКоннел, Дж. Хуба. — Москва: Вершина, 2008. — 192 с.

109. Мультимедийная журналистика. — URL: <http://iknigi.net/avtor-kollektiv-avtorov/144366-multimediynaya-zhurnalistika-kollektiv-avtorov/read/page-6.html>.

110. Бодрийяр, Ж. Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы/Ж. Бодрийяр, Э. Сиоран. — Москва: Алгоритм, 2015. — 270 с. Два выдающихся французских философа XX века в своих наиболее известных произведениях рассуждают о будущем человечества.

111. Kellner, D. Media — Culture. — Routledge, 1995. — 726 p.

112. Журналистика новых медиа. — URL: https://psujourn.narod.ru/vestnik/vyp_8/voz__newmedia.htm.

113. Гатов, В. Будущее журналистики // Как новые медиа изменили журналистику. — Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2016. — С. 206–267.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Аполлонова Людмила Павловна

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
МЕДИАКОМПАРАТИВИСТИКИ**

Корректор — П. В. Багров. Ответственный редактор — © Д. В. Нефедов.
Дизайн и верстка — © АНО «Спутник науки»,
<https://profpresslit.ru>, <https://sputnik-nauki.ru>, тел. (863) 241-37-43

Отпечатано в РИК АНО «Спутник науки».
Сдано в набор 20.11.2023 г. Подписано в печать 07.12.2023 г. Формат 64x80/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура MinionPro.
Усл. печ. л. — 8,4. Тираж 50 экз.

ISBN 978-5-6050268-4-6

9 785605 026846 >